ПУБЛИЧНОЕ СОБРАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

ЕЯ ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА

ДМИТРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

РОВИНСКАГО.

10-ГО ДЕКАБРЯ 1895 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1896.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ.
Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.
Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ. **М. В. Клюкина** въ Москвѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ. **Фоссъ (Г. Гэссель)** въ Лейпцигѣ.

Цѣна 1 р. 25 коп.

ПУБЛИЧНОЕ СОБРАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

ЕЯ ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА

ДМИТРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

РОВИНСКАГО.

10-го декабря 1895 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1896.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ.
Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.
Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ. **М. В. Клюкина** въ Москвѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ. **Фоссъ (Г. Гэссель)** въ Лейпцигѣ.

Цѣна 1 р. 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

Августѣйшимъ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ

ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ КОНСТАНТИНОМЪ КОНСТАНТИНОВИЧЕМЪ.

11-го іюня нынѣшняго года скончался почетный членъ Императорской Академіи Наукъ сенаторъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Юристъ по своему образованію и по своей служебной дѣятельности, Ровинскій въ то же время былъ страстнымъ любителемъ и отличнымъ знатокомъ искусства; онъ ревностно собиралъ его произведенія и изучалъ его исторію. Результатами его почти пятидесятилѣтнихъ трудовъ были чрезвычайно богатыя и въ своемъ родѣ единственныя собранія русскихъ гравюръ и лубочныхъ картинъ, портретовъ русскихъ историческихъ лицъ, офортовъ Рембрандта и его школы. Составляя свои собранія, Ровинскій, какъ истинно просвѣщенный человѣкъ, считалъ долгомъ дѣлиться ими съ обществомъ: многое изъ нихъ онъ еще при жизни принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ и Московскому Публичному Музею и значи-

тельную часть собранныхъ имъ памятниковъ гравюры воспроизвелъ въ превосходныхъ изданіяхъ, которыми упрочилъ свое имя въ наукѣ.

Еще много лѣтъ тому назадъ Академія обратила вниманіе на почтенные труды Ровинскаго: увѣнчивала ихъ преміями и нѣкоторыя изъ его работъ издавала на свои средства. Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году Ровинскій печаталъ въ Академіи второе изданіе своего словаря русскихъ граверовъ и передъ своею смертью успѣлъ довести его почти до конца.

Свою учено-художественную дѣятельность Ровинскій завершилъ истинно патріотическимъ подвигомъ: всѣ свои обширныя и драгоцѣнныя собранія произведеній искусства онъ завѣщалъ главнѣйшимъ музеямъ и библіотекамъ Москвы и Петербурга.

Академія считаетъ своимъ долгомъ почтить память человѣка, столь много сдѣлавшаго для отечественнаго просвѣщенія. Ей особенно пріятно заявить, что въ настоящемъ собраніи, рядомъ съ чтеніями нѣкоторыхъ академиковъ, будутъ произнесены рѣчи нѣсколькихъ лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ составу Академіи, но пожелавшихъ помянуть въ нашей средѣ важныя заслуги одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей нашего времени.

ВОСПОМИНАНІЕ О Д. А. РОВИНСКОМЪ.

Статья члена-корреспондента Академіи **И. Е. Забѣлина** [1]).

Вспоминаю о томъ времени, когда впервые начинались ученыя работы Дмитрія Александровича, когда и мнѣ посчастливилось идти

---

1) Статья И. Е. Забѣлина была прочитана въ собраніи 10-го декабря вице-президентомъ Академіи, ординарнымъ академикомъ Л. Н. Майковымъ, который предпослалъ чтенію слѣдующія слова:

«Знаменитый нашъ археологъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ-корреспондентовъ нашей Академіи, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, съ самымъ живымъ сочувствіемъ отозвался на ея приглашеніе принять участіе въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи, посвященномъ памяти Дмитрія Александровича Ровинскаго. Иванъ Егоровичъ не могъ самъ пріѣхать изъ Москвы къ нынѣшнему дню, но — какъ пишетъ — поставилъ себѣ долгомъ прислать свои воспоминанія о чествуемомъ нами сегодня покойникѣ, которыя я и буду имѣть честь предложить Вашему вниманію.

«Воспоминанія Забѣлина не очерчиваютъ учено-художественной дѣятельности Ровинскаго во всей ея полнотѣ: это составитъ предметъ другихъ сегодняшнихъ чтеній. Но Забѣлинъ и Ровинскій принадлежали къ одному поколѣнію, къ тѣмъ людямъ, молодость которыхъ протекала въ Москвѣ за полвѣка предъ симъ, когда тамъ высоко поднялась русская мысль, направленная преимущественно на изученіе русской старины и народности. И Забѣлинъ, и Ровинскій рано примкнули къ этому движенію, и еще съ тѣхъ поръ ихъ соединила тѣсная дружеская связь, основанная на общности ихъ умственныхъ, ученыхъ интересовъ и на любви къ розысканію и изслѣдованію памятниковъ русской бытовой и художественной старины. Какъ возбуждался этотъ интересъ въ Ровинскомъ, какъ онъ удовлетворялъ ему спервоначала и какъ выработывалъ свое ученое подвижничество, — вотъ объ этой-то ранней порѣ его развитія Забѣлинъ и пожелалъ дать свидѣтельство очевидца. И нѣтъ сомнѣнія, его искренній и воодушевленный разсказъ составитъ драгоцѣнную страницу въ жизнеописаніи человѣка, котораго знанія, энергія и любовь къ дѣлу оказали столь великія услуги исторіи русскаго искусства».

съ нимъ, такъ сказать, рука объ руку въ нашихъ археологическихъ странствованіяхъ по Москвѣ и, близко-далеко, подъ Москвою, съ цѣлями изученія всякихъ достопримѣчательностей, въ особенности нашей старины и древности.

Мое знакомство съ Дмитріемъ Александровичемъ началось осенью 1844 года въ домѣ его матушки Анны Ивановны, когда онъ тѣмъ лѣтомъ только что пріѣхалъ въ Москву на службу въ сенатъ. Его сестры, Марія и Елена Александровны, воспитывались вмѣстѣ съ моею женою въ Екатерининскомъ институтѣ, и потому мы были приняты въ этомъ домѣ семейно. Въ первое время наши отношенія были, такъ сказать, оффиціальны. Въ то время, да и послѣ, онъ вообще избѣгалъ *чужихъ*, то-есть, избѣгалъ лишняго, ненужнаго, безполезнаго знакомства. Однако, мало по малу живые разговоры и споры, главнымъ образомъ о предметахъ искусства во всѣхъ его видахъ и формахъ, сблизили насъ очень дружелюбно, особенно на другой же годъ, когда я переселился въ сосѣдство Ровинскаго къ Покрову въ Левшинѣ, очень близко отъ дома его матушки, и донынѣ, хотя и въ передѣлкѣ, существующаго противъ самой церкви Успенія на Могилицахъ. Это доставило мнѣ возможность видѣться съ нимъ довольно часто. Тутъ и начались нескончаемыя наши бесѣды о любимыхъ предметахъ.

Онъ тогда погружался въ собираніе гравюръ и посвящалъ меня во всѣ достоинства первоначальныхъ оттисковъ, за которыми онъ охотился съ величайшею неутомимостью и ретивостью, при чемъ на пріобрѣтеніе рѣдкой, единственной въ своемъ родѣ гравюры не жалѣлъ никакихъ денегъ и выслѣживалъ ее иногда очень долгое время. Его радости и восторгамъ не было конца, когда удавалось купить или вымѣнить какую-либо рѣдкостную гравюру. Нельзя было доставить ему ничего болѣе пріятнаго, какъ указать, гдѣ находится хорошая гравюра, или у кого хранится особая коллекція такихъ гравюръ. И тогда уже меня восхищала эта типичная черта его характера, эта необычайная страстность, беззавѣтная рѣшимость — взявши въ руки любимое дѣло или предметъ изученія, изслѣдованія, наблюденія, проводить его къ желанной цѣли безъ малѣйшихъ колебаній, не смотря ни на какія препятствія и препоны, настойчиво устраняя и побѣждая всякія затрудненія.

Въ то время я служилъ въ Оружейной палатѣ и работалъ въ ея

драгоцѣннѣйшемъ архивѣ, добывая свѣдѣнія для исторіи царскаго быта XVII столѣтія, а стало быть, и для исторіи различныхъ русскихъ художествъ, такъ какъ обстановка древней царской жизни вызывала весьма широкую художническую дѣятельность. Очень понятно, что у кого что̀ болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, и потому въ нашихъ бесѣдахъ съ Дмитріемъ Александровичемъ большое мѣсто заняли старыя русскія художества, тѣмъ болѣе, что передъ нашими глазами находилась замѣчательнѣйшая ихъ сокровищница — Оружейная палата. Это хранилище и послужило, такъ сказать, мостомъ, по которому Дмитрій Александровичъ легко и незамѣтно перешелъ въ своихъ изысканіяхъ прямо къ русской старинѣ. Однако, въ первую пору особенное вниманіе онъ обращалъ на памятники западнаго искусства, каковы были хранимые въ Оружейной палатѣ нѣкоторые предметы изъ старой царской посуды, поднесенные царямъ въ даръ отъ иностранныхъ государей. По этому поводу пошли разговоры и копотливыя справки (и всегда непремѣнно справки) и о Бенвенуто Челлини, и обо всемъ западномъ мастерствѣ этого рода, объ изящной чеканкѣ и рѣзьбѣ различныхъ изображеній, которыя въ извѣстномъ отношеніи не такъ далеко были и отъ изящныхъ гравюръ. Затѣмъ являлось на обсужденіе и древне-русское мастерство.

Само собою разумѣется, что отъ Оружейной палаты до другихъ хранилищъ, до соборовъ, церквей, монастырей было уже недалеко. И вотъ такимъ образомъ вскорѣ начались наши постоянные походы по соборамъ, церквамъ и монастырямъ и въ подмосковные боярскіе дворцы, всюду, гдѣ только находилось что̀ посмотрѣть и поизучить.

Эти походы, близко и далеко, неотмѣнно совершались всегда по образу пѣшаго хожденія, потому что оба мы, въ силу личныхъ привычекъ и небогатыхъ обстоятельствъ, должны были предпочитать спартанскій образъ жизни аѳинскому. Дмитрій Александровичъ употреблялъ всѣ свои достатки, въ первые годы еще не весьма широкіе, на пріобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ, для которыхъ не жалѣлъ никакихъ затратъ. Для собственнаго лица, въ родѣ всяческой обстановки, начиная съ костюма и оканчивая обстановкою жилой комнаты, онъ былъ до крайности скупъ. Онъ никогда не былъ тѣмъ, что̀ называется *баринъ* или *баричъ*, какъ было бы свойственно его воспитанію и семейному положенію. Совсѣмъ не было замѣтно въ немъ этого отпечатка дворянской культуры. Въ своихъ воззрѣніяхъ, сим-

патіяхъ и антипатіяхъ онъ былъ полнѣйшій реалистъ, то-есть, человѣкъ непосредственнаго дѣла, человѣкъ суровой работы, чуждый изнѣженныхъ формъ жизни, чуждый всякой сентиментальности, всякой фразы и въ мысляхъ, и въ поступкахъ. Простота и неприхотливость его домашняго быта были образцовыми, можно даже сказать, суровыми. Это былъ въ буквальномъ смыслѣ простой работающій труженикъ по всей своей обстановкѣ. Онъ жилъ въ небольшихъ двухъ комнаткахъ въ мезанинѣ матушкина дома, не совсѣмъ просторнаго, выстроеннаго по обычному въ Москвѣ старозавѣтному дворянскому типу. Обстановка его верхняго жилья не оставила у меня въ памяти никакихъ другихъ предметовъ, кромѣ массы книгъ по исторіи искусства и большихъ и малыхъ папокъ съ гравюрами. Не помню какой-либо особой мебели или чего-либо подобнаго.

Итакъ, и въ близкія, и въ дальнія, и въ очень далекія мѣста отъ Москвы мы всегда ходили пѣшкомъ. Дмитрій Александровичъ велъ хотя очень короткій, но обстоятельный журналъ нашимъ походамъ, отчасти съ сатирическимъ направленіемъ, записывая все, что̀ случалось въ дорогѣ курьезнаго. Для осмотра достопамятностей онъ составлялъ предварительный перечень всего, что̀ можно было найти въ извѣстныхъ печатныхъ источникахъ. Въ первое время онъ охотился больше всего за произведеніями въ собственномъ смыслѣ художественными, каковы были надгробные мраморы въ нѣкоторыхъ московскихъ монастыряхъ, затѣмъ мраморы и картины въ Шереметевскихъ дворцахъ Останкина и Кускова и въ Юсуповскомъ дворцѣ въ Архангельскомъ. Мало по малу къ этому присоединилась и церковная археологія, иконы, стѣнопись, различная церковная утварь и самыя зданія храмовъ. Слѣдуя извѣстной системѣ Ходаковскаго, мы разыскивали и древнія городища, а также курганы.

Надо при этомъ упомянуть, что, кромѣ археологическихъ цѣлей, наши неутомимые походы вызывались и обыкновенною у молодыхъ людей страстью къ путешествіямъ, а въ сущности горячимъ чувствомъ къ природѣ. Поэтому, какъ только наставали весенніе теплые дни, какъ только показывалась въ поляхъ зеленая травка, мы уже волновались и тотчасъ собирались въ путь, чаще всего въ Кунцово, иногда въ Коломенское и въ другія мѣста поближе. Помню, что одинъ изъ такихъ походовъ, по случаю ранней весны, состоялся 23-го марта. Въ лѣтнюю пору, въ праздничные дни, пользуясь свободой отъ слу-

жебныхъ занятій, мы предпринимали и болѣе далекіе походы въ извѣстные подмосковные монастыри, на Угрѣшу, въ Екатерининскую пустынь, въ Берлюковскую пустынь, въ Саввинъ монастырь, въ Новый Іерусалимъ, къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Нерѣдко въ этихъ странствіяхъ сопутствовалъ намъ Николай Дмитріевичъ Ахшарумовъ.

Въ 1847 году мы порѣшили сдѣлать походъ въ Ростовъ Великій, который привлекалъ насъ своею древностью. Къ тому же, на пути послѣ Троицы лежалъ другой древній городъ, Переяславль Залѣсскій, съ своимъ знаменитымъ озеромъ, первоначальнымъ мореходнымъ поприщемъ для Петра Великаго.

12-го іюня, взявши служебные отпуски, мы отправились втроемъ съ братомъ Дмитрія Александровича, Николаемъ Александровичемъ. Отправились налегкѣ, какъ въ обычную прогулку верстъ на 15 или на 20, безъ всякихъ саквояжей, безъ всякой ноши, въ самыхъ простыхъ лѣтнихъ костюмахъ, только съ запасомъ бѣлья и чаю. Для необходимыхъ расходовъ мы сложились по пяти рублей на брата. Предварительно, по общему совѣту, Дмитрій Александровичъ написалъ уставъ для нашей экспедиціи, въ которомъ между прочимъ стоялъ параграфъ, что если кто изъ членовъ въ дорогѣ начнетъ жаловаться на усталость, а тѣмъ паче если не захочетъ идти пѣшкомъ и пожелаетъ ѣхать на лошадяхъ, тотъ уплачиваетъ въ общую кассу штрафъ въ три рубля. Положено было также дѣлать въ день не менѣе 30 верстъ, но мы дѣлали и по 40 верстъ.

Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ пѣшеходномъ дѣлѣ, Дмитрій Александровичъ уловилъ надобный порядокъ въ дѣлѣ. Онъ понялъ, въ чемъ сила продолжительной ходебной техники, и усвоилъ себѣ тотъ пріемъ ровнаго и спокойнаго шага, который всегда избавляетъ отъ излишней усталости, а потому передъ нами Дмитрій Александровичъ всегда оказывался выносливѣйшимъ ходокомъ. Если и болѣли у него ноги, такъ онъ, согласно уставу, никогда объ этомъ не упоминалъ, а мы, дойдя до города Петровска, 27 верстъ отъ Ростова, измученные, заныли и рѣшили было на другой день ѣхать на лошадяхъ, за что̀ и поплатились штрафомъ.

Этотъ походъ продолжался 14 дней и былъ проведенъ съ большими и очень суровыми лишеніями. Въ теченіе двухъ недѣль мы только четыре раза обѣдали какъ слѣдуетъ. Въ остальные дни мы питались только черным хлѣбомъ, зеленымъ лукомъ и деревенскимъ

квасомъ „выдери глазъ“. Былъ Петровскій постъ, и мы постились лучше монаховъ. Въ деревняхъ ничего нельзя было достать, кромѣ упомянутыхъ припасовъ. Зеленый лукъ, какъ мы замѣтили, очень намъ помогалъ, доставляя крѣпость и бодрость нашимъ силамъ въ ходьбѣ. Это былъ походъ въ полномъ смыслѣ солдатскій. Останавливаясь у рѣчекъ, мы въ уединеніи купались, а кстати собственными руками мыли свое бѣлье и потомъ на ходьбѣ сушили его, неся на палкахъ.

Сила необходимости, сбереженіе времени, неуклонное стремленіе къ намѣченной цѣли, все это заставляло насъ испытывать всякія лишенія, о которыхъ однако мы никогда и не помышляли, что это были именно лишенія. Мы встрѣчали ихъ какъ самое обычное дѣло въ нашихъ странствіяхъ. И съ какимъ удовольствіемъ послѣ мы вспоминали объ этихъ лишеніяхъ. Дмитрій Александровичъ часто говаривалъ, что такими походами мы запасли себѣ здоровья на многіе годы.

Путешествуя по далекимъ и близкимъ загороднымъ мѣстамъ, мы очень часто посѣщали и Дѣвичье поле, то-есть, Михаила Петровича Погодина, которому Дмитрій Александровичъ по своему родному дядѣ М. И. Месингу приходился двоюроднымъ племянникомъ. Здѣсь мы всегда находили радушный пріемъ и широкое поприще для бесѣдъ о нуждахъ и цѣляхъ изученія русской старины и древности. Михаилъ Петровичъ самъ уже обладалъ довольно значительнымъ древлехранилищемъ, которое притомъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Въ то время хранилище Михаила Петровича обогатилось пріобрѣтеніемъ бумагъ стараго академика Штелина, которыя онъ поручилъ разобрать Дмитрію Александровичу. Этотъ разборъ доставилъ Дмитрію Александровичу богатый матеріалъ для исторіи Академіи Художествъ, какъ и для исторіи русской гравюры. Кромѣ того, въ тѣхъ бумагахъ Дмитрій Александровичъ сдѣлалъ важныя открытія и относительно документовъ особо важнаго историческаго содержанія.

Такъ шли дни за днями въ постоянныхъ и, можно сказать, напряженныхъ исканіяхъ не только новыхъ рѣдкихъ гравюръ, но и всевозможныхъ свѣдѣній по исторіи искусства, въ особенности русскаго. Съ своей стороны и у меня накоплялось не мало архивныхъ свѣдѣній о тѣхъ же русскихъ художествахъ за XVII столѣтіе. Съ обѣихъ сторонъ накопился значительный запасъ матеріаловъ. Обозрѣвая при этомъ

печатные источники, мы видѣли, какъ вообще бѣдна русская научная литература по исторіи искусства не только оригинальными, но даже переводными сочиненіями. И вотъ сама собою у насъ народилась мысль, что было бы очень полезно издавать повременно сборникъ матеріаловъ для исторіи искусства вообще и русскаго искусства въ особенности. Была составлена программа для этого изданія. Дмитрій Александровичъ назначалъ на расходы печатанія 500 р., и мы разсчитали, что по крайней мѣрѣ типографскій расходъ долженъ непремѣнно окупиться.

Съ программою мы рѣшили прежде всего идти къ графу Сергѣю Григорьевичу Строганову, такъ какъ онъ хорошо былъ знакомъ съ Дмитріемъ Александровичемъ, а я у графа служилъ дѣлопроизводителемъ въ Высочайше учрежденномъ комитетѣ для изданія „Древностей Россійскаго Государства“. Но главное, почему слѣдовало идти къ графу, это былъ его авторитетъ, какъ любителя и знатока искусства и покровителя художественнымъ дѣламъ.

Когда я представилъ ему нашъ проектъ, графъ, коренной западникъ въ своихъ воззрѣніяхъ, раскритиковалъ его на томъ главномъ основаніи, что, по его мнѣнію, никакого русскаго искусства до реформы Петра не могло существовать, что если и есть какіе-либо достойные памятники, то всѣ они воспроизведены иностранными мастерами. „Я не понимаю“, говорилъ графъ,—„о какомъ искусствѣ вы будете писать. Тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я совѣтую вамъ оставить это предпріятіе“, окончилъ графъ. Спорить было трудно. Онъ имѣлъ въ виду высоты художественнаго творчества, а мы въ своихъ соображеніяхъ объ исторіи искусства стояли на низинахъ перваго начала художническихъ работъ, съ чего начинается сама исторія.

Холодъ, напущенный на наши мечты критикою графа Сергѣя Григорьевича, заставилъ насъ повнимательнѣе обсудить наше предпріятіе, и мы по неволѣ убѣдились не въ отрицаніяхъ графа, а въ томъ важнымъ обстоятельствѣ, что завалимъ себя непосильною срочною работою, которую, пожалуй, не сумѣемъ и выполнить. Тѣмъ дѣло и кончилось. Заготовленные Дмитріемъ Александровичемъ переводы біографій нѣкоторыхъ художниковъ изъ сочиненія Вазари остались безъ употребленія. Но это не исполненное предпріятіе указывало только на то, что накоплявшіяся свѣдѣнія и собираемые матеріалы требовали какого-либо выхода.

Собранный мною матеріалъ для исторіи иконописи я сталъ тогда (въ началѣ 1850 года) печатать во „Временникѣ Общества Исторіи и Древностей“ (№ 7 1850 г.). Въ апрѣлѣ того же 1850 года Дмитрій Александровичъ отправился въ Петербургъ со спеціальною цѣлью осмотрѣть и изучить тамошнія коллекціи гравюръ. Пользуясь случаемъ, я просилъ его списать въ Публичной Библіотекѣ посланіе изографа Іосифа къ иконописцу Ушакову объ иконномъ письмѣ, а кстати купить мнѣ Никоновскую лѣтопись. Въ маѣ я получилъ отъ него письмо, которое да послужитъ живымъ свидѣтелемъ того, съ какою неутомимостію онъ предавался своимъ изысканіямъ. „Вчера“, писалъ онъ, — „окончилъ я занятія въ Публичной Библіотекѣ. Теперь переселяюсь въ Румянцовскій Музеумъ. На прошедшей недѣлѣ былъ на рынкѣ. Книгъ столько, что глаза разбѣгаются. Накупилъ себѣ цѣлый возъ по художественной части, и въ томъ числѣ 8 огромныхъ фоліантовъ „Museum Florentinum“ и „Орлеанскую Галлерею“. Журналовъ бездна. Никоновской лѣтописи не нашелъ, а заказалъ ее принести мнѣ на домъ. Обѣщали отличный экземпляръ въ кожаныхъ корешкахъ за 9 руб. сер. Печатайте живѣе иконописные матеріалы. Впрочемъ, изъ Ушаковскихъ погодите тискать до моего пріѣзда. Я напомню графу (С. Г. Строганову) объ его намѣреніи (издать Лицевой Подлинникъ, ему принадлежавшій). Не надо отбивать у него охоты отъ изданій. Разсужденіе объ иконописи Ушакова я уже списалъ. Ровно три недѣли я выхожу изъ дому въ 10 утра и возвращаюсь въ 10 вечера. Два дня въ недѣлѣ смотрю галлереи и таскаюсь по окрестностямъ. Остальное время копчу надъ рукописями. Какъ бы вы думали, что̀ я нашелъ здѣсь въ собраніи княгини Бѣлосельской? 12 огромныхъ томовъ, въ которыхъ собраны Олсуфьевымъ русскіе эстампы. Я описываю ихъ по вечерамъ и кончу дня черезъ два. Много любопытнаго нашелъ по этой же части въ Академіи Художествъ и Эрмитажномъ собраніи эстамповъ. Довольно собралъ свѣдѣній о русскихъ граверахъ отъ Уткина, Іордана и др. Прощайте. 26-го ѣду въ Новгородъ до 30-го“.

Но охотясь безъ устали за эстампами, онъ не пропускалъ случая пополнять свои свѣдѣнія и о древней иконописи и писалъ мнѣ въ другомъ письмѣ, что по части иконописи сдѣлалъ кое-какія новыя открытія и тутъ же просилъ сказать Егору Ивановичу Маковскому, большому любителю и собирателю эстамповъ, отцу славныхъ худож-

никовъ, что привезетъ съ собой цѣлую папку эстамповъ. Это была любезная вѣсть охотника-любителя къ своему собрату по охотѣ о сдѣланной богатой жатвѣ.

Въ томъ же 1850 году, въ самое время пребыванія Дмитрія Александровича въ Петербургѣ, Русское Археологическое Общество обнародовало объявленіе о трехъ задачахъ на соисканіе премій. Задачи были слѣдующія:

1) О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII; столѣтія въ отношеніи къ искусствамъ, художествамъ и ремесламъ; срокъ годовой.

2) О русскихъ народныхъ одеждахъ до конца XVII столѣтія; срокъ двугодовой.

3) Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII столѣтія; срокъ двугодовой.

Нельзя было встрѣтить лучшаго побужденія къ работамъ, какое представили намъ эти задачи. Онѣ прямо попадали въ цѣль, на готовую къ дѣлу почву. Хотя и очень стѣсненный короткимъ срокомъ, я успѣлъ написать отвѣтъ на первую задачу. Дмитрій Александровичъ принялся за разрѣшеніе третьей задачи — объ иконописаніи.

Легко было задать такую задачу, но выполнить ее съ достойною основательностію могъ только Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Никто не былъ такъ подготовленъ къ этому дѣлу, какъ Дмитрій Александровичъ. Прилежное изученіе гравюры доставляло ему правильный способъ изучать и иконописаніе, гдѣ также необходимо было слѣдить, какъ въ гравюрѣ, за штрихами, за всѣми чертами иконнаго письма въ родѣ озорочковъ, движекъ, гвентовъ, оживокъ, пробѣловъ и т. п., такъ что въ этомъ отношеніи каждая икона представляла своего рода гравюру, и слѣдовательно, для Дмитрія Александровича какъ бы знакомый предметъ изслѣдованія. Однако, чтобъ изучить древнюю иконопись и къ тому еще раскрыть въ ней различіе въ школахъ, надо очень внимательно всматриваться въ иконное письмо. А какъ это было дѣлать, когда всѣ значительныя иконы въ соборахъ и церквахъ покрыты и донынѣ по большей части безобразно чеканными ризами, за которыми скрывается достопамятное письмо?

Въ первое время и я сопутствовалъ Дмитрію Александровичу въ осмотрѣ и изученіи такихъ иконъ. Представлялись непобѣдимыя за-

трудненія. Ни одной иконы не возможно было разсмотрѣть какъ слѣдовало, а къ тому и причетники смотрѣли на насъ очень подозрительно, совсѣмъ не понимая, съ какою цѣлью мы подступаемъ къ иконамъ. Главнѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ въ этомъ отношеніи послужили старообрядческія собранія иконъ, въ которыя тоже безъ затрудненій невсегда можно было проникнуть.

Но изумительная энергія и настойчивость Дмитрія Александровича во всякомъ дѣлѣ, какое онъ бралъ въ свои руки, побѣждали съ успѣхомъ встрѣчавшіяся препятствія. Съ неутомимостью завзятаго охотника онъ дѣлалъ свои поиски по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оказывалось какое-либо собраніе иконъ или находилась икона, прославленная своимъ письмомъ. Москва въ этомъ отношеніи представляла обширное поприще и великія сокровища. Очень полезны и важны были и показанія опытныхъ собирателей и хранителей иконъ, посвящавшихъ изыскателя въ таинства иконной техники. Но конечно, Дмитрій Александровичъ не могъ ограничиться одною Москвою. Онъ снова побывалъ и въ Новгородѣ, и во всѣхъ другихъ городахъ, славившихся своими иконами и особенностями иконописанія. Вездѣ его изслѣдованія проводились съ удивительною методичностью. Каждую достойную примѣчанія икону онъ тщательно измѣрялъ и записывалъ ея мѣру, съ подробною характеристикою письма. Съ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ иконъ онъ заказывалъ дѣлать точныя прориси и платилъ за нихъ по 25 р. за листъ, такъ что съ расходами на поѣздки по городамъ его издержки навѣрное превысили назначенную отъ Общества премію (400 р.) по крайней мѣрѣ въ пять разъ, если еще не больше.

Составилось обширное изслѣдованіе, въ которомъ каждое слово заявляло или о новыхъ, до того времени совсѣмъ неизвѣстныхъ фактахъ, или о точныхъ и твердыхъ указаніяхъ на факты, хотя уже и извѣстные, но неправильно толкуемые. Къ изслѣдованію Дмитрій Александровичъ присовокупилъ столь же обширный атласъ старыхъ и новыхъ прорисей съ иконъ, 43 рисунка и 10 снимковъ съ подписей иконописцевъ.

Изслѣдованіе было увѣнчано преміею съ большою похвалою нѣкоторымъ его отдѣламъ (Записки Императорскаго Русскаго Общества, т. V, вып. 2 и 3) и напечатано въ 1856 году въ VIII-мъ томѣ „Записокъ Общества“, но въ опустошенномъ до крайности видѣ и безъ рисунковъ.

Опустошеніе произведено отчасти по цензурнымъ надобностямъ, но также и чьимъ-то произволомъ, позволявшимъ себѣ не только непомѣрно сокращать, но и по-своему передѣлывать текстъ изслѣдованія. Основная мысль, вызвавшая эти искаженія, по видимому, заключалась въ томъ, чтобы скрыть, устранить съ поля научныхъ свѣдѣній фактическія данныя, приводимыя авторомъ о заимствованіи нашею иконописью рисунковъ у западныхъ извѣстныхъ мастеровъ и вообще о раскрывающихся нѣкоторыхъ соотношеніяхъ нашей иконописи съ западною. Затѣмъ, по той же мысли оказалось необходимымъ устранить съ поля извѣстности иконы и имена ихъ владѣльцевъ, принадлежавшія старообрядцамъ, что̀ и показывало, что въ этомъ случаѣ наука должна была потерпѣть тѣсноту отъ политическихъ соображеній. Вотъ причины, почему изслѣдованіе, доставленное авторомъ на обсужденіе въ маѣ 1852 года, увѣнчанное преміею 28-го декабря того же года, было напечатано только спустя четыре года, въ маѣ 1856 года.

Когда было напечатано мое изысканіе о металлическомъ производствѣ, я усердно просилъ Дмитрія Александровича написать критическій разборъ моего сочиненія, зная, что у него есть достаточно новыхъ свѣдѣній по этому предмету. Разборъ былъ написанъ и при моемъ посредничествѣ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1853 года (августъ). Это была первонапечатанная статья Дмитрія Александровича, первый его журнальный трудъ. Напечатавши эту статью, А. А. Краевскій писалъ ко мнѣ: „Прошу г. Ровинскаго подѣлиться съ „Отечественными Записками“ тѣми матеріалами, которые есть у него для исторіи художествъ въ Россіи. Онъ меня этимъ очень обяжетъ. Пусть начнетъ со статьи о первомъ времени нашей Академіи Художествъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“ (октябрь 1856 года). Такъ и исполнилось: новая статья съ тѣмъ заглавіемъ была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 года (октябрь).

Было упомянуто, что наши странствованія вызывались сколько желаніемъ поизучить на мѣстѣ разнородные памятники старины, столько же, если еще не больше, страстью къ путешествіямъ и вообще любовью къ природѣ. Въ разговорахъ во время этихъ прогулокъ мы часто останавливались на мысли, какъ было бы хорошо *сѣсть на землю*, имѣть свою собственную небольшую землицу и обработывать

ее по крестьянски, разводя и пашню, и садоводство, и огородничество. Деревенское житье намъ очень нравилось.

Матушка Дмитрія Александровича, Анна Ивановна, владѣла имѣніемъ Дѣдово верстахъ въ 50 отъ Москвы по Волоколамской дорогѣ. Раза два или три въ лѣто мы ходили туда, конечно, всегда пѣшкомъ и уже непремѣнно ко дню именинъ Анны Ивановны, 25-го іюля. Однажды въ этотъ день, за обѣдомъ, расхваливая житье въ деревнѣ и критикуя нѣкоторые недостатки въ хозяйствѣ матушки, Дмитрій Александровичъ высказалъ, что еслибъ у него было свое хозяйство, онъ повелъ бы дѣло иначе. „Возьми себѣ пустошь Турсуново“, сказала Анна Ивановна,—„и хозяйничай по своему. Я посмотрю, что̀ изъ тебя выйдетъ“. Пустошь Турсуново находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дѣдова, была покрыта мелкимъ лѣсомъ, земля безплодная, пустынная безъ воды, доставлявшая всего нѣсколько возовъ тощаго сѣнного покоса. „Сдѣлайте одолженіе“, отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ, и дѣло состоялось. На возвратномъ пути въ Москву мы прежде всего пошли на эту пустошь, осмотрѣли вдоль и поперекъ мѣстность пустынную, неприглядную, съ трудомъ выбрали мѣсто, гдѣ возможно было основать жилище. Дѣло закипѣло. Новый хозяинъ построилъ нельзя сказать чтобъ избу, а небольшую комнату съ сѣнцами и покрылъ ее на одинъ скатъ, такъ что постройка представляла половину крестьянской избы безъ двора. Весною распахана была десятина подъ овесъ. Запруженъ былъ въ ложбинѣ небольшой прудокъ, разведенъ огородецъ. Новый хозяинъ самъ работалъ въ огородѣ, самъ испробовалъ, какъ пашутъ, но конечно, все это производилъ нанятой крестьянинъ изъ ближней деревни, который былъ и сторожемъ жилища, походившаго вообще на хижину пустынника. Не одинъ разъ мы приходили и не заставали никого въ этомъ жилищѣ. По пустынности мѣста оно и безъ должной охраны оставалось цѣлымъ. Самое дорогое — въ немъ былъ самоваръ съ простымъ чайнымъ и столовымъ приборомъ да мебель деревенской работы. Овесъ родился плохо, едва сѣмена возвращались, но Дмитрій Александровичъ на вопросы матушки, какъ у него вышелъ овесъ, увѣрялъ серьезно, что самъ-четвертъ, и возбуждалъ тѣмъ хозяйскую ревность въ матушкѣ.

Первый опытъ сидѣнья на своей землѣ не былъ особенно привлекателенъ и по неудобной мѣстности, а больше всего по отдаленности отъ Москвы, что̀ при служебныхъ обязанностяхъ Дмитрія Алексан-

дровича очень препятствовало дальнѣйшему ходу дѣлъ по устройству этой дачи.

Какъ сказано, первыя весеннія наши прогулки направлялись въ Кунцово и, конечно, въ его окрестности, повсюду очень живописныя. Впослѣдствіи, въ 1851 году, я даже поселился вблизи Кунцова на дачѣ въ деревнѣ Давыдковѣ на рѣкѣ Сѣтуни, куда прихаживалъ и Дмитрій Александровичъ съ братьями Николаемъ и Владиміромъ Александровичами. На этой рѣчкѣ, версты на двѣ выше Давыдкова, за дачею Жуковкою, находилась живописная пустошь съ небольшимъ лѣскомъ изъ молодого березника, гдѣ мы нерѣдко отдыхали въ своихъ прогулкахъ, разсуждая иногда, какъ бы хорошо на этомъ мѣстѣ сѣсть на землю, устроить дачу. Черезъ нѣсколько лѣтъ Дмитрій Александровичъ дѣйствительно купилъ это мѣсто и устроилъ превосходнѣйшую дачу. Мѣсто было тоже безплодное, содержавшее наносный гравій и глину. Кромѣ огородничества и пашни, здѣсь онъ совсѣмъ погрузился въ садоводство и цвѣтоводство. Земля въ его рукахъ подверглась той же неустанной работѣ, какъ и матеріалы для ученыхъ изслѣдованій.

Для огорода и особенно для цвѣтоводства требовалась вода въ значительномъ количествѣ поближе къ саду, чѣмъ отстояла отъ него рѣка Сѣтунь. Онъ на взгорьѣ выкопалъ прудъ, въ которомъ вода устоялась только на глубинѣ двухъ или трехъ саженъ. Землею отъ пруда онъ засыпалъ низменный поемный берегъ рѣки, гдѣ такимъ образомъ устроилось поле для посѣва ржи и овса. На площадкѣ передъ домомъ онъ развелъ великое количество прекрасныхъ розъ, но послѣ оказалось, что на это мѣсто свирѣпо дулъ почти постоянный для московской мѣстности западный вѣтеръ, весьма вредно дѣйствовавшій на растенія. Заборомъ огородить это мѣсто не было красиво. Дмитрій Александровичъ огородилъ его высокимъ землянымъ валомъ въ родѣ горы, изъ того же пруда, засадилъ его деревьями, перекинулъ каменные мостики черезъ проходы въ валу, въ овражкѣ устроилъ кирпичные гроты и при нихъ фонтаны и такъ преобразилъ всю мѣстность, что противъ прежняго и узнать ее было не возможно. Каждое лѣто онъ проживалъ на этой дачѣ долгое время.

Съ нѣкоторыми сѣтунскими жителями, полезными ему по садоводству и хозяйству, онъ былъ коротко знакомъ, и потому, когда мимо ихъ домовъ везли его печальный гробъ, они, по тамошнему обы-

чаю, останавливали шествіе у своихъ воротъ съ просьбой отслужить литію по дорогомъ покойникѣ; оттого шествіе двигалось очень медленно, останавливаясь почти у каждаго дома. Прахъ его теперь покоится рядомъ съ прахомъ его друга Николая Дмитріевича Ахшарумова, среди излюбленныхъ имъ мѣстъ, у сельской церкви Спаса на Сѣтуни, которая съ его дачи всегда виднѣлась и красовалась посреди окружающей ее лѣсной растительности.

ВОСПОМИНАНІЯ ТОВАРИЩА О Д. А. РОВИНСКОМЪ.

Статья **В. В. Стасова.**

По рожденію своему, по семейству, по всѣмъ условіямъ первоначальной жизни Ровинскій былъ москвичъ. Москвѣ онъ былъ обязанъ громадно, можно сказать — отъ перваго дня появленія своего на свѣтъ, и именно обязанъ всѣмъ тѣмъ, что̀ дало его натурѣ, вкусамъ и знаніямъ колоритъ сильно національный, самостоятельный и народолюбивый. Отецъ его почти всю жизнь прослужилъ въ Москвѣ; какъ военный, а потомъ какъ начальникъ ополченія, онъ участвовалъ въ войнѣ 1812 года со стороны Москвы и связанныхъ съ нею губерній; впослѣдствіи, какъ второй полицеймейстеръ, онъ былъ виднымъ дѣятелемъ въ средѣ московской же жизни; наконецъ, какъ отставной, опять-таки онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, былъ наполненъ самъ, да и всю семью свою наполнялъ московскими интересами. Среди такой исключительно московской обстановки Ровинскому, по видимому, суждено было сложиться москвичемъ, преимущественно занятымъ московскими интересами, преданнымъ московскому образу мыслей, наполненнымъ московскими особенными, своеобразными взглядами. Въ 20-хъ годахъ Грибоѣдовъ говорилъ: „Возьмите вы отъ головы до пятокъ, на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ“. Этотъ отпечатокъ остался цѣлъ и десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ спустя, хотя, конечно, въ иномъ немножко видоизмѣнился. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія въ Москвѣ царило, если не сплошь во всей, то по крайней мѣрѣ въ значительной и крупнѣйшей ея долѣ

славянофильство. Отецъ Ровинскаго постоянно и всегда былъ въ самой тѣсной связи съ кружкомъ славянофиловъ. Все дѣтство и отрочество Ровинскаго протекло въ средѣ ихъ, и онъ легко могъ самъ получить на душѣ и умѣ славянофильскую складку. Въ сущности, быть славянофиломъ — не было ничего дурнаго. Славянофилы были партія, много имѣвшая правоты за собою; ихъ глубокая любовь къ родинѣ и всему родному, къ старой, коренной, самобытной и оригинальной Руси была почтенна и въ высокой степени законна. Изъ славянофиловъ очень многіе были людьми высокой души и высокаго ума, людьми глубокихъ знаній и чудесныхъ, хотя иной разъ черезъ-чуръ исключительныхъ и идеальныхъ стремленій. Славянофилы принесли Богъ знаетъ сколько пользы нашему отечеству, и если попробовать, хоть только мысленно, выбросить ихъ изъ русской исторіи XIX столѣтія или затушевать ихъ тамъ, тотчасъ увидишь, что въ нашемъ настроеніи и дѣятельности все было бы во сто разъ бѣднѣе, слабѣе и хуже.

Можно поэтому предполагать, что проживи Ровинскій весь свой вѣкъ въ Москвѣ, примкни онъ всею душой, разумомъ и способностями къ славянофильской горсточкѣ московскихъ людей, онъ, конечно, тоже надѣлалъ бы множество всего хорошаго для своихъ современниковъ и потомства—таковъ былъ уже корень его натуры; но быть можетъ, онъ надѣлалъ бы тоже и гораздо болѣе ошибокъ, чѣмъ на дѣлѣ дѣйствительно сдѣлалъ; отыскивая истину, онъ дольше проплуталъ бы, по всей вѣроятности, на разныхъ проселочныхъ дорожкахъ вмѣсто главной, свѣтлой и широкой, и очень можетъ быть, иного бы и вовсе не сдѣлалъ изъ того, что̀ былъ способенъ понять, захотѣть и совершить. У меня и въ головѣ нѣтъ мысли, что въ Россіи только и свѣту въ глазахъ, что въ Петербургѣ, все-молъ въ немъ одномъ счастье и высота, и знаніе, и разумъ, или же что все хорошее, московское получаетъ свое настоящее значеніе, когда пройдетъ сквозь высшее наитіе и освященіе Петербурга. Этого я вовсе не думаю. И исторія говоритъ другое. Много есть примѣровъ высокой интеллектуальной и научной самодѣятельности Москвы помимо Петербурга, и это — какъ между прежними, такъ и нынѣшними русскими умами и дарованіями. Но для Ровинскаго было иначе. Ему нужны, крайне нужны были внѣшнія благодѣтельныя вліянія и, такъ сказать, „корректуры“, чтобы уберечься отъ всего исключительнаго или узкаго въ образѣ

мыслей, къ чему его направляла сильно впечатлительная, податливая натура. Нѣсколько разныхъ, случайныхъ, но въ высшей степени счастливыхъ обстоятельствъ постоянно откуда-то появлялись на свѣтъ, на протяженіи всей его жизни, становились поперекъ дороги, мѣшали ему идти въ такую-то сторону, а не въ другую. Такимъ дѣятелемъ въ жизни Ровинскаго былъ всегда Петербургъ. Москва была для него та Голконда, которая доставляетъ драгоцѣнные брилліанты, Петербургъ оказывался тѣмъ благодатнымъ мастеромъ, который бралъ въ свои умѣлыя руки эти брилліанты, оправлялъ ихъ въ золото и давалъ имъ играть блестящими лучами.

На счастье Ровинскому, точно нарочно для него, устроено было въ Петербургѣ, въ концѣ 30-хъ годовъ нашего вѣка, Училище правовѣдѣнія. Это была новинка, которая притягивала къ себѣ всѣхъ отцовъ и матерей семейства, по цѣлой Россіи. „Ахъ, новое училище! Подъ крылышкомъ самого царскаго племянника, принца Петра Ольденбургскаго! И самъ принцъ, юный, бодрый, ревностный, полный горячаго желанія добра и счастья молодежи! Какое тутъ будутъ давать, конечно, великолѣпное воспитаніе, еще невиданное и неслыханное у насъ! И потомъ, какія льготы необычайныя, какія права и привилегіи! Ахъ еслибы только нашему Петѣ или Ваничкѣ туда попасть!“ Такъ думали и говорили тогда по всей Россіи. Отецъ Ровинскаго думалъ и говорилъ точь въ точь такъ же. И онъ сталъ ревностно хлопотать, и онъ скоро добился своего. Дмитрій Александровичъ Ровинскій, еще мальчикъ, поступилъ въ Училище и покинулъ надолго Москву. Совершился тутъ для него громадный переворотъ. Не то только было важно, что одинъ городъ, съ одною физіономіей, замѣнялся другимъ городомъ, съ совершенно иною физіономіей, но было, быть можетъ, еще важнѣе то, что одни люди замѣнялись другими людьми, люди семейства, родные и близкіе — людьми посторонними, чужими. Это иногда бываетъ очень нужно и очень важно. По крайней мѣрѣ, есть причины предположить, что именно такъ было на этотъ разъ съ Ровинскимъ. Изъ числа нѣсколькихъ мнѣ извѣстныхъ фактовъ, сюда относящихся, я приведу всего одинъ, но мнѣ кажется, довольно значущій. Онъ мнѣ сообщенъ однимъ лицомъ, состоявшимъ въ ближайшемъ родствѣ съ Ровинскимъ и слышавшимъ настоящій анекдотъ много разъ изъ устъ самого Дмитрія Александровича. Отпуская своего Митю въ Петербургъ, Александръ Павловичъ Ровинскій, отецъ,

привыкшій на службѣ къ точности, опредѣленности и аккуратности, написалъ ему въ напутствіе цѣлый строжайшій реэстръ всего того, чего онъ не долженъ дѣлать въ Петербургѣ. Въ самомъ первомъ пунктѣ стояло: „Пива отнюдь не пить“. Тогда желѣзныхъ дорогъ еще не было, и ѣздили между Москвой и Петербургомъ въ дилижансахъ. И что же? На первой же станціи Д. А. Ровинскій велѣлъ подать себѣ бутылку пива и залпомъ выпилъ ее всю. Для одинадцатилѣтняго мальчика это фактъ очень значительный, а еще болѣе для такого мальчика, который всю свою жизнь, до самыхъ семидесяти лѣтъ, терпѣть не могъ ничего спиртуознаго, никакого пива, вина или водки, и никогда ихъ не пилъ. Скажутъ: „Шалость мальчишки!“ „Нѣтъ, не шалость мальчишки“, отвѣчу я. Тутъ проявляется какое-то враждебное, злобное начало, какая-то непріязненность, желаніе сдѣлать наперекоръ мало любимому человѣку. Для однихъ людей отецъ — тотъ человѣкъ, которому и повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ; но для другихъ отецъ есть тотъ человѣкъ, котораго страстно любишь, котораго обожаешь, какъ нѣчто священное, нѣчто самое лучшее на землѣ, которому повиноваться и хочется, и пріятно, и дорого, и для этого не надо ни страха, ни напоминаній совѣсти, ни чужихъ повелѣній. Съ Ровинскимъ было, кажется, иначе. Отецъ былъ человѣкъ, конечно, не дурной, и сынъ его до извѣстной степени любилъ и уважалъ, держалъ всю жизнь свою его портретъ у себя въ кабинетѣ, передъ глазами, но говорятъ, отецъ этотъ былъ человѣкъ сухой и строгій, а съ годами становившійся все суше, строже, сварливѣе и привязчивѣе, а потому лишенный способности владѣть всею душею и всею любовью сына. Отецъ продолжалъ и дома командовать, какъ въ полѣ солдатамъ и ополченцамъ своимъ, какъ на пожарѣ своимъ отлично выдрессированнымъ пожарнымъ. Но онъ ошибался. Сынъ выросъ для правды и добра помимо отцовскихъ реестровъ: реестры и приказы только приводили его къ нелѣпому бунту. Отъ домашнихъ невзгодъ и фальшивыхъ нотъ его спасло Училище, училищная жизнь и свѣтлое, дружное, бодрое, шлифующее товарищество. Впрочемъ, послѣ поступленія Дмитрія Александровича Ровинскаго въ Училище правовѣдѣнія отецъ его недолго оставался въ живыхъ: онъ скончался въ 1838 году.

Въ Училищѣ правовѣдѣнія Ровинскій ничѣмъ особеннымъ не ознаменовался. Жилъ онъ со всѣми мирно и тихо, учился хорошо и

исправно, какъ тоже множество другихъ товарищей, и отличился развѣ только тѣмъ, что вздумалъ участвовать въ училищныхъ концертахъ, которыхъ тогда бывало у насъ много. У насъ музыка была въ большомъ ходу: чтобъ не отставать отъ другихъ, онъ и сталъ учиться играть на контрбасѣ! Что понудило его къ такой странности — не знаю. Впрочемъ, эта удивительная затѣя пришла не ему одному въ голову: игралъ на контрбасѣ также и другой нашъ товарищъ — князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта и статсъ-секретарь. Они у насъ на концертахъ стояли на эстрадѣ рядомъ: одинъ большой, другой маленькій, одинъ черный, другой рыжеватый и курчавенькій (отъ этого, у насъ въ шутку товарищи звали его: „рыжій тулупчикъ"). Обоихъ я словно сейчасъ вотъ вижу передъ глазами, какъ они усердно хлопочутъ на своихъ громадныхъ толстопузыхъ инструментахъ, помогая выполнять то симфоніи Бетховена или Моцарта, то хоры изъ „Гугенотовъ" съ оркестромъ, и многое другое. Помню все это хорошо, потому что и самъ игрывалъ тогда часто на фортепіано въ этихъ училищныхъ концертахъ. Но удивительный капризъ у Оболенскаго и Ровинскаго продолжался недолго, и выйдя изъ Училища, каждый изъ нихъ двухъ положилъ свой толстый смычокъ въ сторону и больше до него во всю жизнь уже и не дотрогивался.

Про собираніе Ровинскимъ рисунковъ и гравюръ еще во времена Училища я и самъ не помню, да этого не помнитъ также никто изъ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ въ живыхъ свидѣтелей тогдашняго нашего житья-бытья. Но по разнымъ признакамъ надо думать, что это собирательство уже тогда у него начиналось. У тѣхъ людей, кому предстоитъ сдѣлаться однажды ревностными коллекторами, первые признаки этой потребности и жажды обнаруживаются обыкновенно рано. Такъ, напримѣръ, знаменитый нашъ Погодинъ, характерный типъ этого рода людей, принялся за свои первые опыты собирательства, будучи еще четырнадцати, двѣнадцати и даже девяти лѣтъ [1]).

---

1) «Расположеніе къ собиранію обнаружилось въ Погодинѣ очень рано. Съ 1809 по 1814 годъ, пристрастившись къ чтенію романовъ, собралъ онъ почти всѣ вышедшіе впродолженіе этого времени сочиненія Дюкре-Дюмениля, Радклифъ, Коцебу, Шписа, Жанлисъ и проч. Въ гимназіи Погодинъ собиралъ афишки; потомъ перешли къ нему кусочки минераловъ, кои ученики откалы-

Такъ навѣрно было и съ Ровинскимъ. Почти тотчасъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга въ Москву на службу, когда ему всего было лѣтъ двадцать, Погодинъ признавалъ его „знатокомъ и охотникомъ гравюръ и гравюрнаго дѣла“, какъ онъ пишетъ у себя въ „Дневникѣ“. Точно такъ и Забѣлинъ, познакомившійся съ нимъ въ это же самое время, даромъ что самъ юноша, признавалъ уже въ немъ любовь и знаніе гравюрнаго дѣла. Когда же Ровинскій успѣлъ всему этому научиться? Ясно, что еще въ тихомолку, незамѣтно для другихъ, еще въ Училищѣ. Но ходить по петербургскимъ коллекціямъ, собраніямъ, библіотекамъ, по Эрмитажу было нѣкогда. По всей вѣроятности, у него подъ сурдинкой начиналъ складываться тогда свой собственный матеріалъ, запасъ, свое собраньице изъ того, что̀ доступно ему было по этой части. Въ небольшой книжкѣ К. П. Побѣдоносцева, напечатанной въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ подъ заглавіемъ „Для немногихъ“ и содержащей въ себѣ безчисленныя подробности объ училищной нашей жизни 30-хъ и 40-хъ годовъ, всего одинъ единственный разъ упомянуто о Ровинскомъ, и это по тому курьезному поводу, что въ декабрѣ 1843 года „Ровинскій привезъ изъ дому огромный кусокъ фосфора, и это было въ диво всему Училищу“.

Во всѣ семь лѣтъ своего пребыванія въ Училищѣ правовѣдѣнія Ровинскій ходилъ по воскресеньямъ въ гости къ своему родственнику, генералу Бижеичу, и здѣсь, въ маленькомъ семейномъ кружкѣ, былъ всегда веселъ, живъ и остроуменъ, но при постороннихъ оказывался всегда застѣнчивымъ и робкимъ, какъ красная дѣвица, тотчасъ же принимался упорно молчать, сидя въ углу, не умѣлъ ни танцовать, ни быть любезнымъ, и изъ этого молчанія уже не возможно было его вывести.

Лѣтомъ, мѣсяца на два или два съ половиной, онъ ѣздилъ въ деревню, много гулялъ и еще больше возился съ цвѣтами, которые всю жизнь свою обожалъ. Но вмѣсто танцевъ, любезничанья съ дамами и картъ, что̀ все ему во всю жизнь было чуждо, существовало для него тогда въ Петербургѣ нѣчто, что̀ всего болѣе наполняло свободные

вали, отламывали и откусывали отъ казеннаго собранія въ классѣ минералогіи. Принимался онъ также собирать и сушить растенія. Въ гимназіи, послѣ романовъ, возникла охота къ собиранію литературныхъ и историческихъ сочиненій» (*Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, 430).

его досуги, во время отпусковъ домой: это великая дружба съ однимъ изъ его ближайшихъ родственниковъ, Николаемъ Дмитріевичемъ Ахшарумовымъ. Это былъ тоже еще юноша, какъ и самъ Ровинскій, но только во много разъ болѣе его образованный и читавшій, а въ то же время человѣкъ съ такою чистою, свѣтлою, благородною и жаждующею истины и искусства душою, какая всего болѣе приходилась по потребностямъ, характеру и натурѣ Ровинскаго. Они оба еще съ мальчиковъ сдѣлались друзьями, вмѣстѣ читали все, что только попадалось изъ русскихъ журналовъ и книгъ сороковыхъ годовъ (а въ ту пору было много чего читать, начиная съ Бѣлинскаго, общаго тогда образователя Россіи); ихъ бесѣды, споры, пренія были благодѣтельны для Ровинскаго: тутъ совершалось истинное его образованіе и закалъ мысли, характера и художественнаго чувства. Ахшарумовъ сдѣлался впослѣдствіи литераторомъ, романистомъ, художественнымъ критикомъ, а въ началѣ сороковыхъ годовъ ко всему этому готовился и, воспитываясь самъ, много повліялъ на научное, литературное и художественное воспитаніе Ровинскаго. Можно сказать почти навѣрное, что Ахшарумовъ еще болѣе Училища способствовалъ „объевропеенью“ Ровинскаго, хотя и самъ былъ горячій, искренній русскій, да и Ровинскому помогалъ такимъ же складываться. Они остались друзьями и искренно уважающими другъ друга людьми на всю жизнь, и когда пришелъ часъ смерти для Ахшарумова, Ровинскій похоронилъ своего друга у себя, въ маленькомъ любимомъ своемъ имѣньицѣ подъ Москвой, а потомъ черезъ немного лѣтъ и самъ тутъ же легъ, заранѣе указавъ близкимъ людямъ будущее себѣ мѣсто.

Ровинскій пріѣхалъ въ Москву въ 1844 году на службу въ сенатъ, прямо изъ Училища, и для него сейчасъ же началась новая жизнь. Съ одной стороны — служба, самостоятельность, постоянная связь уже не съ однимъ семействомъ, а съ товарищами, съ другой стороны — новыя интеллектуальныя задачи, знакомство со старою Русью и ея древнимъ искусствомъ. Все это тотчасъ придало настоящій коренной колоритъ и характеръ всей натурѣ Ровинскаго.

Въ Москвѣ тогда собралась цѣлая горсточка товарищей-правовѣдовъ, пріѣхавшихъ на службу въ московскій сенатъ. Они образовали свою „колонію“, какъ они сами себя называли, часто сходились и бесѣдовали дружно, задушевно, мило, какъ свѣжіе прекрасные юноши, и

Ровинскій былъ душою всего общества, своею свѣтлою натурой, живостью, своею прямотою, умомъ, юморомъ. Тутъ были Старицкій, Глѣбовъ, Коробьинъ, Набоковъ и другіе его товарищи, впослѣдствіи кто сенаторъ, кто министръ, кто занимающій ту или другую высшую должность, люди, всю жизнь отличавшіеся, и тогда, и потомъ, прямымъ, благороднымъ характеромъ и выдающеюся общественною дѣятельностью. Но вскорѣ потомъ Ровинскій особенно сблизился съ однимъ изъ нихъ, тоже пріѣхавшимъ послѣ Училища правовѣдѣнія на службу въ Москву. Они почти тотчасъ подружились, и дружба эта продолжалась у нихъ потомъ всю жизнь. Новый пріятель тоже участвовалъ въ пѣшеходныхъ экскурсіяхъ Ровинскаго, про которыя разсказываетъ Забѣлинъ, по окрестностямъ, по близкимъ и далекимъ московскимъ уѣздамъ, съ парой сапогъ, повѣшенныхъ на палкѣ и пронесенныхъ всю дорогу на плечѣ. Но оба пріятеля совершали также и другія постоянныя путешествія — это именно въ оперу, которую оба до страсти обожали, и здѣсь, на заднихъ скамейкахъ „мѣстъ за креслами“, они жадно слушали то, что̀ имъ нравилось, но тоже иной разъ, пользуясь темнотой навѣса надъ ихъ мѣстами и халатностью московскихъ нравовъ, они лежали тутъ растянувшись и дремали подъ журчаніе оркестра и пѣвцовъ, когда что̀ имъ было не по вкусу въ оперѣ. Впослѣдствіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, оба пріятеля и товарища одновременно были вызваны изъ Москвы въ Петербургъ, какъ необходимые, надежные дѣятели при созданіи новыхъ судебныхъ уставовъ.

Но среди строгой, самой совѣстливой и усердной службы, среди постояннаго теплаго общенія съ товарищами, среди музыкальныхъ оперныхъ утѣхъ для Ровинскаго поднялась занавѣсь надъ другимъ еще новымъ міромъ — міромъ художественнымъ. Прежнее собираніе кое-какихъ картинокъ, рисунковъ и особенно старыхъ гравюръ, въ началѣ шаткое и безцѣльное, мало по малу стало обращаться въ собираніе осмысленное, съ твердыми задачами, съ намѣченными цѣлями. Прежнее копленіе всякой всячины по этой части, и преимущественно всего чаще европейскаго происхожденія, стало измѣняться въ характерѣ и наклоняться въ сторону всего спеціально русскаго, отечественнаго. Главными учителями его тутъ вышли такія двѣ могучія личности, какъ Погодинъ и Забѣлинъ. Первый изъ нихъ, Погодинъ, человѣкъ уже 45 лѣтъ и знаменитость, прочно и непоколебимо стоялъ

во главѣ своего знаменитаго древлехранилища, богатый множествомъ плодотворныхъ ученыхъ разысканій; второй, еще двадцатилѣтній юноша, человѣкъ покуда еще съ малоизвѣстнымъ именемъ, являлся самымъ крупнымъ и характернымъ представителемъ Оружейной палаты, при которой служилъ мелкимъ чиновникомъ. Онъ и самъ еще многому учился, но и Ровинскаго училъ познанію разныхъ сторонъ древней Россіи, а въ то же время самъ часто принималъ отъ Ровинскаго многое изъ того, что̀ тотъ въ свою очередь уже зналъ и любилъ изъ древней Россіи. Не будь этихъ двухъ человѣкъ, Погодина и Забѣлина, не будь въ свои двадцать лѣтъ Ровинскій въ Москвѣ, не днюй онъ тогда и не ночуй, можно сказать, въ этихъ двухъ изумительныхъ русскихъ сокровищницахъ, древлехранилищѣ и Оружейной палатѣ, не будь онъ въ интимнѣйшемъ общеніи съ Погодинымъ и Забѣлинымъ, останься онъ служить, послѣ Училища, въ Петербургѣ и петербургскомъ сенатѣ, онъ, навѣрное, никогда не сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ скоро тогда сталъ. Съ нимъ, какимъ-то, право, привилегированнымъ чудомъ, все случалось въ самую препорцію, въ самое во̀-время, когда надо было.

Мы нѣсколько минутъ тому назадъ слышали, какъ И. Е. Забѣлинъ вспоминаетъ о знакомствѣ своемъ и совмѣстной дѣятельности съ Ровинскимъ. Изъ „Дневника“ и писемъ Погодина мы тоже узнаемъ, какъ много учился Ровинскій у него въ древлехранилищѣ, а также и около его собственной особы, но въ то же время узнаемъ также и то, какъ высоко цѣнилъ Погодинъ уже съ самаго начала этого двадцатилѣтняго юношу. Въ 1844 году древлехранилище Погодина обогатилось однимъ новымъ необыкновеннымъ пріобрѣтеніемъ— художественнымъ и литературнымъ наслѣдствомъ академика Штелина. Штелинъ, пріѣхавшій въ Россію въ качествѣ „профессора аллегоріи“, былъ довольно париковскій нѣмецъ XVIII вѣка, мало знающій и мало даровитый, но игравшій въ Академіи, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, видную и полезную роль и обязанный сочинять фейерверки, праздники и всякія придворныя торжества. Онъ умѣлъ быть пріятенъ и уважаемъ. Оттого его тотчасъ сдѣлали воспитателемъ будущаго Петра III. Онъ много видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку и оставилъ послѣ себя въ своихъ коллекціяхъ и запискахъ много любопытнаго и историческаго. Но цѣлыхъ лѣтъ сто, или по крайней мѣрѣ восемьдесятъ, никто объ этомъ ничего не зналъ; его даже вовсе забыли.

Но его потомокъ, нѣкій г. Оттъ, одно время директоръ ремесленнаго училища въ Москвѣ, сказалъ однажды въ 1844 году Погодину: „Хотите себѣ взять вотъ весь этотъ Штелинскій хламъ, въ двухъ сундукахъ? Примѣчательнаго въ этихъ бумагахъ ничего нѣтъ, да и не можетъ быть: по семейнымъ преданіямъ, у насъ въ домѣ извѣстно, что Штелинъ сжегъ всѣ важныя свои бумаги послѣ смерти Петра III. Хотите, возьмите, а вы за то дадите мнѣ собраніе новыхъ книгъ русскихъ, которое я назначу“. Конечно, Погодинъ обрадовался, поскорѣе далъ цѣлый ворохъ новыхъ русскихъ книгъ г. Отто, а самъ, вмѣстѣ съ Ровинскимъ, какъ онъ его называетъ, „знатокомъ и любителемъ гравюръ“, отобралъ изъ сундуковъ лубочныя картинки и портреты, гравированные въ XVIII вѣкѣ при Академіи, и все это въ первыхъ рѣдчайшихъ оттискахъ, часто и вовсе нигдѣ до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ. Какое счастье, что есть такіе господа Отты на свѣтѣ! Они и себѣ самимъ добрую пользу приносятъ, сколько потребно ихъ мелкому эгоистическому уму, но еще больше, по нечаянности, цѣлому обществу, народу, государству. Все собраніе это впослѣдствіи перешло въ Императорскую Публичную Библіотеку, то-есть, попало въ прочную, несокрушимую гавань на вѣки вѣковъ.

Чего тутъ только не было! И разные важнѣйшіе государственные акты и документы временъ Елизаветы I и Петра III, которые Погодинъ поспѣшилъ представить, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, императору Николаю I черезъ тогдашняго министра двора, графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга и черезъ тогдашняго директора Императорской Публичной Библіотеки, барона Модеста Андреевича Корфа: эти документы тотчасъ поступили въ Государственный архивъ; были тутъ и въ высокой степени важныя и драгоцѣнныя записки Штелина о русскомъ художествѣ и русскихъ художникахъ XVIII вѣка; наконецъ множество совершенно единственныхъ, нигдѣ болѣе не встрѣчаемыхъ, съ одной стороны—академическихъ профессорскихъ гравюръ, а съ другой—народныхъ лубочныхъ картинокъ. Такъ, напримѣръ, тутъ былъ, въ числѣ другихъ рѣдкостей, нигдѣ неизвѣстный портретъ Елизаветы I, очень худо, пребезобразно и прегрубо награвированный, но съ собственноручною надписью чернилами самого Штелина, гдѣ было сказано, что онъ де-скать имѣлъ счастіе представить императрицѣ Елизаветѣ такого-то дня и числа этотъ купленный имъ на

площади *ужасный*, *отвратительный*, но *прекрасный* портретъ (dieses abscheulich-schönes Bild, пишетъ придворный дипломатъ); Ихъ Величество велѣли узнать, кто это дѣлалъ? Вслѣдствіе тщательныхъ розысковъ оказалось, что гравировалъ портретъ таможенный сторожъ Кононъ Тимоѳеевъ въ Москвѣ. Тотчасъ отобраны были повсюду эти портреты, доска взята у автора и отдана на храненіе въ сенатъ, и потому уцѣлѣлъ всего только „одинъ вотъ этотъ мой экземпляръ, который я представлялъ Императрицѣ". Сенатскимъ же указомъ (въ настоящее время отпечатаннымъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ") предписано: никакихъ другихъ гравированныхъ портретовъ Императрицы не имѣть въ обращеніи, подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній, кромѣ награвированнаго нарочно и одобреннаго портрета работы придворнаго гравера Соколова. Между тѣмъ этотъ новый портретъ Соколова и самъ очень плохъ, и наврядъ ли многимъ возвышается надъ портретомъ бѣднаго таможеннаго сторожа. Вотъ одинъ изъ примѣровъ тѣхъ документовъ, которые г. Оттъ считалъ хламомъ и съ удовольствіемъ спускалъ съ рукъ! Счастье, что у него въ рукахъ столько важнаго уцѣлѣло, и что все не пошло у него прямо въ огонь.

На разборѣ Штелинской коллекціи Ровинскій многому научился и сильно подвинулъ свои художественно-историческія познанія стараго русскаго искусства. Эта коллекція, какъ и всѣ другія Погодинскаго древлехранилища, дала ему необозримый рядъ матеріаловъ въ придачу ко всему знанію, полученному изъ Оружейной палаты, и этотъ матеріалъ дѣйствовалъ на складъ и направленіе мысли Ровинскаго еще сильнѣе, чѣмъ словесныя бесѣды Погодина. Между тѣмъ Погодинъ сталъ уговаривать Ровинскаго оставить покуда въ сторонѣ европейское искусство и заняться спеціально изученіемъ одного русскаго. Ровинскій послушался. Когда же, въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, Погодинъ задумалъ продать свое древлехранилище Императорской Публичной Библіотекѣ и получилъ на то разрѣшеніе, Ровинскій былъ уже такъ твердъ по своей части, что взялъ на себя приготовленіе всего отдѣла лубочныхъ и народныхъ гравюръ, а оно было громадно и истинно-несравненно. Даже всѣ нумера, всѣ надписи тутъ были работы самого Ровинскаго, и такими они остались въ собраніяхъ Императорской Публичной Библіотеки до сихъ поръ, значитъ, на вѣки. Но гораздо важнѣе и труднѣе матеріальнаго, ме-

ханическаго труда былъ при этомъ трудъ научный, интеллигентный: я разумѣю классификацію, распредѣленіе гравюръ по разрядамъ, по категоріямъ каждой изъ гравюръ, опредѣленіе ея содержанія, времени происхожденія, художественнаго и историческаго достоинства. Не знаешь, какъ довольно надивиться, откуда Ровинскій бралъ время среди своей службы, откуда бралъ знаніе, твердость пониманія, откуда бралъ свою опредѣленность взгляда, коль скоро совѣтоваться по этой части ему было не съ кѣмъ, и онъ все долженъ былъ разсматривать и рѣшать одинъ самъ съ собою! „Служба, которою былъ занятъ Ровинскій“, пишетъ мнѣ профессоръ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, — „не наложила на него своей печати“.

Но не надо думать, чтобы Ровинскій весь занятъ былъ въ это время только одними русскими лубочными картинками. И остальное искусство, не-народное, европейское, а равно русское, высшее, такъ сказать, аристократическое, также сильно привлекало его душу и умъ. И въ этомъ, подобно тому, какъ Погодинъ и Забѣлинъ спеціально по части русскаго искусства, у него тутъ были товарищи, сочувственники, помощники и друзья въ Москвѣ. Въ своей высоко интересной запискѣ, только что упомянутой мною, Борисъ Николаевичъ Чичеринъ пишетъ мнѣ: „Я сошелся съ Ровинскимъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ то время въ Москвѣ было еще нѣсколько человѣкъ, пламенно преданныхъ искусству. Патріархомъ художественнаго кружка былъ почтенный Евгеній Ивановичъ Маковскій, отецъ извѣстныхъ художниковъ Константина и Владиміра Егоровичей Маковскихъ. Владѣя весьма скудными средствами, бухгалтеръ дворцовой конторы, онъ съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости имѣлъ одинъ высокій интересъ, наполнявшій его жизнь: любовь къ искусству. Онъ былъ хранителемъ всѣхъ художественныхъ преданій Москвы, лично зналъ и старыхъ русскихъ живописцевъ, и прежнихъ любителей, разсказывалъ о былыхъ временахъ, о старыхъ аукціонахъ, на которыхъ богатые люди наперерывъ другъ передъ другомъ покупали цѣнныя произведенія. Въ Москвѣ жилъ тогда и другой прелестный старикъ, Семенъ Николаевичъ Мосоловъ, принадлежавшій семьѣ, которая въ трехъ поколѣніяхъ отличалась страстною любовью къ искусству. Отецъ его основалъ сохранившееся доселѣ отличное собраніе картинъ, большею частью обломковъ великолѣпной Голицынской галлереи, принадлежавшей нѣкогда Москвѣ и распроданной въ 1818 году. Семенъ Нико-

лаевичъ составилъ первоклассную коллекцію старинныхъ гравюръ, въ которой были рѣдчайшія вещи; сынъ его, Николай Семеновичъ, самъ сдѣлался извѣстнымъ граверомъ, особенно съ произведеній Рембрандта. Страстнымъ любителемъ былъ и Александръ Владиміровичемъ Новосильцевъ, который, разбитый параличомъ, находилъ единственное услажденіе въ пересматриваніи и обновленіи собранныхъ имъ превосходныхъ офортовъ, всѣ въ отличныхъ оттискахъ, преимущественно Рембрандтовъ. Въ шестидесятыхъ годахъ тоже и я начиналъ свое собра́ніе. Въ этомъ небольшомъ кружкѣ любителей, къ которому принадлежалъ и Ровинскій, происходилъ постоянный обмѣнъ художественныхъ впечатлѣній. Мы навѣщали другъ друга, и всякій разъ раскрывался какой-нибудь портфель, который становился источникомъ совокупнаго наслажденія. А когда получалось что-нибудь новое, тотчасъ давалось знать всѣмъ пріятелямъ".

Вотъ, среди такихъ высокихъ художественныхъ элементовъ, впечатлѣній и благотворныхъ вліяній складывалась и текла жизнь Ровинскаго между его 20-мъ и 30-мъ годами.

Но все-таки перевѣсъ вкусовъ, симпатій и дѣятельности былъ всегда у него на сторонѣ искусства русскаго, національнаго (впрочемъ безъ всякой зловредной исключительности и кваснаго патріотизма), и вотъ, когда пришла для Ровинскаго пора выступить въ печати въ роли писателя о художествѣ, онъ прямо началъ со статей объ искусствѣ русскомъ.

Первая его статья появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1853 года, и именно касалась одной изъ нетронутыхъ еще до тѣхъ поръ любопытныхъ художественныхъ дѣятельностей древней Руси. Это былъ разборъ извѣстнаго сочиненія И. Е. Забѣлина „О металлическомъ художественномъ производствѣ въ древней Руси", которое не задолго передъ тѣмъ получило премію отъ Императорскаго Археологическаго Общества. Разборъ былъ основателенъ, хорошъ и свидѣтельствовалъ о познаніяхъ самого Ровинскаго, но еще не представлялъ никакихъ особенныхъ съ его стороны указаній. Это было скорѣе только перечисленіе содержанія и важныхъ достоинствъ новой книги Забѣлина.

Спустя года два, въ 1855 году, въ тѣхъ же „Отечественныхъ Запискахъ" явилась другая статья Ровинскаго: „Академія Художествъ до время императрицы Екатерины II". Но это были

только матеріалы, преимущественно на основаніи записокъ и бумагъ Штелина, и тутъ тоже еще не было на лицо ни мыслей, ни взглядовъ, ни критики самого Ровинскаго. Статья была хорошая, достойная уваженія, полезная — и болѣе ничего.

Настоящія сочиненія Ровинскаго, тѣ, гдѣ вся его личность уже выступаетъ впередъ и начинаетъ ярко блистать, появляются въ печати съ 1856 года. Первое изъ нихъ — „Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка". Эта первая значительная ученая работа Ровинскаго была представлена въ Императорское Археологическое Общество на премію еще въ 1853 году. Общимъ собраніемъ 30-го декабря 1855 года она была признана совершенно неудовлетворительною и возвращена автору (котораго имени, общество оффиціально не знало, но на самомъ дѣлѣ знало очень хорошо, такъ какъ въ тѣ времена никто у насъ столько не имѣлъ такихъ обширныхъ свѣдѣній о древнемъ русскомъ иконописаніи, какъ Ровинскій, и притомъ же всѣ археологи наши давно слышали о путешествіяхъ и странствіяхъ Ровинскаго по русскимъ монастырямъ и церквамъ). Но отказъ не смутилъ Ровинскаго: онъ исправилъ свои сочиненіе по замѣчаніямъ коммиссіи и въ 1857 году представилъ его на Уваровскую премію въ Академію Наукъ, послѣ того, какъ графъ А. С. Уваровъ, глубоко любившій и уважавшій Ровинскаго, энергично похлопоталъ о томъ, чтобъ Археологическое Общество напечатало это сочиненіе, сильно исправленное, въ своихъ „Запискахъ" (1856 г.). Въ рецензенты отъ Академіи былъ приглашенъ Погодинъ, истинный знатокъ дѣла, на котораго нельзя было не положиться. Онъ написалъ рецензію очень солидную и хотя сильно напалъ на Ровинскаго за многое, не взирая на ихъ близость и дружбу, но также выставилъ въ яркомъ свѣтѣ и крупныя достоинства книги и требовалъ для нея Уваровской преміи. Погодинъ говорилъ, что „сочиненіе Ровинскаго начато имъ задолго до задачи Археологическаго Общества, по собственному влеченью, и сюда онъ положилъ много труда; совершилъ даже разныя путешествія, чтобъ осмотрѣть главные памятники нашего иконописанія собственными глазами. Разумѣется, одна любовь къ предмету побуждала его къ такимъ жертвамъ. Главное достоинство сочиненія заключается въ совершенной новости большей части свѣдѣній и основательности выводовъ. Извѣстія о Строгоновскихъ и московскихъ мастерахъ совершенно новы. Еще новѣе

и замѣчательнѣе описаніе технической части иконнаго производства. При составленіи его авторъ пользовался совѣтами опытныхъ иконниковъ, выписками изъ Подлинниковъ и рукописей и собственными наблюденіями надъ древними иконами". При этомъ Погодинъ сильно жаловался на цензуру, жестоко обезобразившую многія части этого замѣчательнаго русскаго самостоятельнаго научнаго сочиненія, и совѣтовалъ Академіи напечатать его вновь, съ поправками и еще болѣе дополненіями, безъ которыхъ оно является чѣмъ-то искалѣченнымъ и обезображеннымъ.

Къ несчастію, тридцать-восемъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а новаго изданія все нѣтъ, какъ нѣтъ. Можетъ быть, много тутъ виноватъ и самъ Ровинскій, пропустившій столько лѣтъ безъ хлопотъ о новомъ изданіи. Но какъ его винить, когда столько другихъ предпріятій, изслѣдованій и затѣй кипѣло у него въ головѣ, въ теченіе этихъ тридцати-восьми лѣтъ? Старое сочиненіе утратило уже для него тогда свою ѣдкую первоначальную аппетитность и вкусъ, и онъ думалъ уже о многомъ другомъ. И что же? Не взирая на всѣ несовершенства, первая книга Ровинскаго до сихъ поръ остается, не только для Россіи, но и для всей Европы лучшимъ, солиднѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ о нашемъ древнемъ иконописаніи. И факты, и выводы, и взгляды, и приговоры, все тутъ оригинально, прочно и надежно.

Почти по столько же трудной дорожкѣ прокатилось и второе сочиненіе Ровинскаго: трактатъ о русской гравюрѣ. У перваго прошло всего года четыре или пять лѣтъ въ ожиданіи окончательной гавани; у второго же прошло до гавани длинныхъ семь лѣтъ, а до напечатанія— цѣлыхъ тринадцать. А произошло это оттого, что когда Ровинскій свое сочиненіе „О русскомъ гравированіи на металлѣ и на деревѣ съ 1564 года" представилъ, въ 1857 году, въ Археологическое Общество на премію, Общество, точь въ точь какъ въ первый разъ, нашло его сочиненіе неудовлетворительнымъ и возвратило ему назадъ (опять таки притворяясь оффиціально, будто не знаетъ, кто авторъ, тогда какъ очень хорошо знало его). Тогда Ровинскій, тоже повторяя прежній свой ходъ, нѣсколько исправилъ свое сочиненіе по замѣчаніямъ коммиссіи и представилъ его въ 1858 году въ Академію Наукъ на Уваровскую премію. Тогда Академія поручила разсмотрѣть это сочиненія мнѣ.

Я цѣлые полгода употребилъ на прилежное и пристальное

изученіе сочиненія по подлиннымъ матеріаламъ, по документамъ, по старопечатнымъ книгамъ, и когда кончилъ, я былъ въ ужасномъ затрудненіи: что̀ мнѣ дѣлать, что̀ мнѣ сказать Академіи? Я слишкомъ ясно видѣлъ, что работу Ровинскаго нельзя оставить, какъ она есть, что нельзя печатать ее въ томъ видѣ, какъ авторъ прислалъ ее изъ Москвы въ Петербургъ. Конечно, онъ много готовился, многое узналъ и разслѣдовалъ, во многомъ добился истинныхъ, желанныхъ результатовъ, но также еще многаго не видалъ и не зналъ, и не изслѣдовалъ. Конечно, я необходимо могъ приписывать это единственно только тому, что жилъ Ровинскій уже болѣе десяти лѣтъ все только въ Москвѣ, бывалъ въ Петербургѣ лишь наѣздомъ, на короткое время (служба мѣшала дѣлать иначе), и потому лишенъ былъ возможности видѣть и узнать многое изъ того, что̀ давно уже существовало въ Петербургѣ или накопилось тамъ, въ огромныхъ массахъ, за послѣдніе годы, благодаря разнымъ покупкамъ и подаркамъ съ всѣхъ концовъ Россіи, и особливо это относилось къ Императорской Публичной Библіотекѣ и ея громадному, поразительному росту за время управленія ею барономъ М. А. Корфомъ. Послѣ долгой внутренней борьбы я рѣшился слушаться одного внутренняго голоса и одного глубокаго уваженія къ самому дѣлу. Я и представилъ Академіи Наукъ большой и подробный отчетъ, гдѣ выставилъ на видъ всѣ крупнѣйшіе недостатки сочиненія Ровинскаго и говорилъ, что работу эту никакъ не слѣдуетъ печатать и за нее ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ давать награды, развѣ что „почетный отзывъ“ за большіе, все-таки значительные труды, предпринятые Ровинскимъ.

Академія со мною согласилась и присудила ему лишь „почетный отзывъ“, а мою рецензію напечатала цѣликомъ. Тамъ всего явственнѣе выдвигалось наружу, что въ самомъ дѣлѣ Ровинскій изучалъ и хорошо зналъ тогда только то, что̀ есть въ Москвѣ, и вовсе не видѣлъ множества наиважнѣйшихъ собраній петербурскихъ, каковы: собранія книгъ и гравюръ Академіи Наукъ, Генеральнаго Штаба, Эрмитажа, Академіи Художествъ, частныя коллекціи графа Уварова, Яковлева, Шишкина, Каратаева и др., собранія же Императорской Публичной Библіотеки и Румянцовскаго музея (тогда еще находившагося въ Петербургѣ) зналъ лишь очень поверхностно. На ряду съ такими непростительными пробѣлами я указывалъ, что Ровинскій вовсе пропустилъ наши лубочныя (или народныя) картинки,

и работы старинныхъ русскихъ граверовъ-серебряниковъ. Сверхъ того, все сочиненіе было полно небрежностей, неаккуратностей, неточностей, чѣмъ тогда сильно страдали всѣ работы Ровинскаго. Всѣ эти пробѣлы были слишкомъ существенны, и молчать о нихъ было бы для рецезента безсовѣстно и стыдно. Когда отказъ Академіи Наукъ сталъ извѣстенъ, многіе изъ общихъ знакомыхъ и товарищей стали меня корить: „Ай, ай, ай, Стасовъ, что̀ это ты надѣлалъ?“ говорили они.—„Развѣ это хорошо? Такъ зарѣзать, погубить стараго товарища, да еще публично! На что̀ это похоже! Ай, ай, ай!“ Но я отвѣчалъ: „Не только хорошо, но даже очень хорошо. Такъ надо было. И Ровинскій на меня никогда не будетъ въ претензіи. Я знаю его, и только потому рѣшился такъ сдѣлать, какъ сдѣлалъ“. И въ самомъ дѣлѣ, я не ошибся въ моемъ Ровинскомъ. Ровинскій былъ человѣкъ глубокой, неподкупной честности, себя не щадилъ и спуска себѣ ни въ чемъ не давалъ. „Справедливость раньше всего“—таковъ былъ у него всегда законъ. Широта душевная, великодушіе были у него непоколебимы. Онъ тотчасъ написалъ мнѣ горячее благодарственное письмо, а вскорѣ потомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ со мною повидался и чуть не со слезами на глазахъ благодарилъ меня за *правду*, за то, что я ему раскрылъ глаза и не пощадилъ его. Онъ очень хорошо зналъ, что мнѣ надо было не своими какими-то будто бы знаніями щеголять, а только указать на то, что̀ по нечаянности, вслѣдствіе долговременнаго присутствія въ Петербургѣ, а именно всего болѣе въ Публичной Библіотекѣ, дано мнѣ было узнать, — вотъ и все. Еслибъ мнѣ, или кому другому, случилось тогда писать что-нибудь, гдѣ были бы на сценѣ московскіе матеріалы, мнѣ неизвѣстные вслѣдствіе постояннаго житья въ Петербургѣ, навѣрное, я или этотъ другой точь въ точь столько же надѣлали промаховъ на счетъ Москвы, какъ Ровинскій на счетъ Петербурга. Ровинскій все это хорошо сознавалъ, и потому, вмѣсто того, чтобъ тупо и злобно сердиться, онъ благодарилъ меня. Вотъ что̀ это былъ за человѣкъ, съ чистою кристальною душой и золотымъ сердцемъ. Наша дружба только сильнѣе укрѣпилась, довѣріе другъ къ другу тоже, и съ тѣхъ поръ между нами никогда не прекращался обмѣнъ мыслей, знаній, наблюденій, пробъ и попытокъ. Я на свою долю безмѣрно много обязанъ Ровинскому.

Вскорѣ послѣ событія съ сочиненіемъ о русской гравюрѣ, для Ро-

винскаго настали счастливыя обстоятельства, которыя помогли ему расширить свой горизонтъ, увеличить свои знанія и придать имъ болѣе равновѣсія во всѣхъ частяхъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Ровинскаго, какъ превосходнаго юриста, потребовали въ Петербургъ, для участія въ коммиссіи по составленію новыхъ судебныхъ уставовъ, и поэтому онъ принужденъ былъ прожить нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, а въ 1870 году онъ сдѣланъ былъ сенаторомъ кассаціоннаго департамента и переѣхалъ на житье въ Петербургъ уже окончательно. Съ этихъ поръ начинается новая эра въ художественно-научной дѣятельности Ровинскаго, *петербургская*, всего болѣе важная въ его жизни, всего болѣе творческая.

Шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы нашего столѣтія являются самою сильною, самою обширною, самою основательною и самою плодотворною порою работъ Ровинскаго, и его громадныя, изумительныя изданія слѣдуютъ одно за другимъ съ быстротою, на которую нельзя довольно надивиться. Онъ перестаетъ быть только собирателемъ, коллекторомъ, какъ въ началѣ часто бывалъ: теперь онъ одною рукою продолжаетъ еще накоплять сокровища фактовъ и художественно-историческихъ матеріаловъ, но другою онъ ихъ сортируетъ, изучаетъ ихъ испытующимъ глубокимъ взглядомъ и выноситъ на свѣтъ результаты, драгоцѣнные для исторіи русской культуры и жизни. Тутъ его энергія, его иниціатива, его неутомимость становятся поразительны. Позволю себѣ повторить теперь нѣсколько строкъ, которыя я прочиталъ, мѣсяцъ тому назадъ, въ общемъ собраніи Археологическаго Общества. Я говорилъ тамъ: „Намъ, большинству людей, простымъ, обыкновеннымъ людямъ, всегда полезно держать передъ глазами образъ великихъ нашихъ людей прошлаго времени и стараться хоть на вершокъ, хоть издалека, приблизиться къ нимъ, жить и дѣлать какъ они. Да, это превосходно, это возвышаетъ каждаго, это придаетъ новыя силы. Ровинскій не былъ ни простой, ни обыкновенный человѣкъ; онъ принадлежалъ къ благодатному русскому меньшинству, полному стремленія впередъ, доброжелательства, свѣтлой мысли и потребности помогать другимъ тѣмъ, что̀ самъ зналъ и прочно держалъ въ рукахъ. Но и онъ старался дѣлать хорошо, глядя на грандіозныя фигуры нашихъ великихъ личностей прошлаго времени, главное тѣмъ, что никогда не терялъ куражу и надежды, не унывалъ и не падалъ духомъ. Въ этомъ онъ какъ бы прямо слѣдовалъ завѣту

и примѣру русскаго колосса, Петра Великаго. Тотъ былъ нѣсколько разъ разбитъ врагами, но не унылъ и не потерялъ львиной храбрости. Онъ пошелъ, новый разъ сразился — и побѣдилъ. Такъ было и съ Ровинскимъ. Онъ не переставалъ, для своего великаго и дорогого дѣла, идти все впередъ да впередъ, не взирая ни на какія трудности, спотыканья и паденья. И онъ достигъ своихъ *полтавскихъ побѣдъ*, своего торжества".

Началось дѣло почти тотчасъ послѣ отказа Академіи Наукъ. Онъ исправилъ и пополнилъ свое сочиненіе о русской гравюрѣ отчасти еще въ Москвѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, но главнымъ образомъ въ Петербургѣ, послѣ пріѣзда туда въ 1862 году. Въ два года онъ, по сдѣланнымъ ему замѣчаніямъ, совершенно переработалъ, просто до неузнаваемости, прежнее сочиненіе и сдѣлалъ теперь изъ него совершенно новое сочиненіе, въ высокой степени замѣчательное. Хорошо ли было бы, еслибъ прежняя его книга была помилована критикой, и ея недостатки учтиво обойдены по кумовству, а самое сочиненіе напечатано, да еще съ именемъ Академіи, какъ съ патентомъ на лбу? Нѣтъ, очень дурно. И будь сочиненіе уже напечатано, сомнительно, чтобы Ровинскій нашелъ потомъ и время, и возможность, и охоту снова работать надъ нимъ.

Въ 1864 году Ровинскій представилъ Академіи Наукъ свой трудъ подъ новымъ уже заглавіямъ: „Русскіе граверы и ихъ произведенія", и Академія снова поручила мнѣ разсмотрѣть его. Теперь для меня пришло время большого счастья: я могъ только радоваться и удивляться разцвѣту и росту Ровинскаго. Я представилъ Академіи огромный, подробный отчетъ, и она присудила ему большую премію. Въ 1870 году графъ Уваровъ напечаталъ это сочиненіе на свой счетъ. Спустя четырнадцать лѣтъ, въ 1886—1889 годахъ, Ровинскій переиздалъ вновь, уже на свой собственный счетъ, этотъ словарь, только увеличилъ его текстъ вчетверо и украсилъ его 700 фототипическими портретами, конечно, въ небольшую величину, но такими превосходными, такими точными и изящными, что они живо выставляютъ на глаза всѣмъ все давно прошедшее наше время, всѣхъ нашихъ государей и государынь съ XVI вѣка, всѣхъ замѣчательныхъ, выходящихъ изъ ряду вонъ простолюдиновъ, сдѣлавшихся историческими лицами, всю старую и новую нашу интеллигенцію, писателей, ученыхъ, профессоровъ, художниковъ, музыкантовъ, актеровъ, всѣхъ

лучшихъ благодѣтелей нашей родины, всѣхъ ея помощниковъ на пути къ свѣту, правдѣ и величію, а также и всѣхъ старыхъ и новыхъ ея обскурантовъ, масоновъ, крѣпостниковъ, юродивыхъ. Тутъ есть и портреты Стеньки Разина и Пугачова, и Ваньки Каина, и множества другихъ совершенно исключительныхъ людей. Текстъ Ровинскаго — тоже своего рода энциклопедія. Что̀ только долженъ былъ прочитать Ровинскій, на своемъ вѣку, историческихъ сочиненій, мемуаровъ и проч., чтобъ написать свои біографіи, часто коротенькія, но полныя энергіи, силы, мѣткости, рѣшительности и здоровой силы!

Но Ровинскій не хотѣлъ этимъ удовольствоваться и не желалъ почивать на лаврахъ. Натура у него была неугомонная, ему надо было непремѣнно съ утра до вечера работать. Покуда въ Москвѣ печатались его „Русскіе граверы“, онъ въ Петербургѣ разработывалъ другую свою вещь: „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ и напечаталъ ее уже здѣсь, въ Петербургѣ, въ 1872 году. Такой книги у насъ еще не бывало. Ровинскій составилъ ее на основаніи всего имъ видѣннаго и описаннаго въ большихъ и малыхъ собраніяхъ цѣлой Россіи, и всего чаще на основаніи собственной коллекціи гравированныхъ портретовъ, разросшейся у него самого подъ руками.

Потомъ пошли у Ровинскаго самыя капитальныя, самыя огромныя, самыя удивительныя его изданія: „Русскія народныя (лубочныя) картинки“, выпущенныя въ свѣтъ въ 1881 году—5 томовъ текста въ обыкновенную 8-ю долю листа и при нихъ 4 громадные тома въ листъ. Это сочиненіе явилось результатомъ цѣлыхъ почти двадцати лѣтъ работы. Хорошо чувствуя всю ея сложность и трудность, Ровинскій въ началѣ упорно отказывался заняться лубочными нашими картинками, равно и гравюрами нашихъ древнихъ „граверовъ-серебряниковъ“, на что̀ я ему указалъ въ своемъ разборѣ 1858 года; наконецъ, уступая и собственному горячему желанію, и моимъ постояннымъ просьбамъ и настояніямъ, онъ рѣшился и — создалъ нѣчто истинно-капитальное. Онъ просмотрѣлъ и изучилъ всѣ отдѣльныя небольшія собранія этихъ картинокъ, скупилъ со всей Россіи все, что̀ только можно было добыть (иногда за большія деньги) по этой части, и въ немного лѣтъ сдѣлался собственникомъ такой коллекціи русскихъ лубочныхъ картинокъ, какой не существовало у насъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли эти картинки; изучилъ для сравненія всѣ лубочныя картинки нѣмецкія, французскія, голландскія, англійскія;

наконецъ, совершилъ большія путешествія на Востокъ, въ особенности въ Китай и Индію, ища тамъ возможныхъ (но не оказавшихся на лицо) прототиповъ нашихъ народныхъ картинокъ, и только послѣ всего этого написалъ свое изумительное сочиненіе. Потомъ явились „Достовѣрные портреты Московскихъ государей", также огромный томъ въ листъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1882 году; потомъ еще „Матеріалы для русской иконографіи", отпечатанные въ 12 огромныхъ томахъ въ листъ, въ періодъ отъ 1884 по 1889 годъ. Все это, можно сказать, разнообразныя части одного и того же изданія, которое по настоящему надо было бы назвать однимъ именемъ: „Старая и новая Россія въ русскихъ гравюрахъ" (немногія иностранныя гравюры древняго времени, съ портретами государей и русскихъ посольствъ, составляютъ тутъ очень небольшое исключеніе). Все вмѣстѣ образуетъ истинную художественную русскую энциклопедію въ рисункахъ, гдѣ находится „все русское, что̀ можетъ интересовать русскаго", говоря собственными, по всей справедливости горделивыми словами самого Ровинскаго. Виды мѣстностей, городовъ, портреты личностей всѣхъ классовъ и сословій, архитектура, костюмы, сцены жизни, священныя изображенія, картинки сатирическія и юмористическія, картинки, выпускаемыя правительствомъ для цѣлей политическихъ или общественныхъ, и въ pendant къ нимъ, картинки, созданныя самимъ народомъ, въ минуты тягости и скорби или негодованія и злости („Мыши кота погребаютъ", „Баба-яга", „Быкъ захотѣлъ быть мясникомъ"), или же счастія, радости, ликованія и удивленія, все это, соединенное вмѣстѣ, рисуетъ такую картину древней и новой Руси, которая не имѣетъ себѣ у насъ подобныхъ. Всего замѣчательнѣе и интереснѣе міръ картинокъ сатирическихъ народныхъ, открытый Ровинскимъ, выдѣленный имъ въ одну группу и впервые выставленный въ полномъ значеніи и свѣтѣ. Кто бы подумалъ сначала, что въ средѣ этого сѣраго, темнаго люда, толпы народной, кроется такъ много жизни, глубокаго ума, остроты, ѣдкости, художественнаго чувства и изобрѣтательности? Но перестаешь дивиться, когда вспомнишь, что этимъ же самымъ темнымъ, сѣрымъ людомъ народнымъ созданы также такія великія вещи, какъ народная пѣсня въ видѣ мелодіи и слова, создана народная орнаментистика, народная архитектура. Тутъ лежатъ вездѣ сокровища русскаго самостоятельнаго творчества. Оставалось только открыть точно такое же

творчество въ изображеніи личностей, сценъ, домашней жизни, въ ѣдкой сатирѣ на существующее и гнетущее, и Ровинскій открылъ и объяснилъ этотъ невѣдомый до него или забытый міръ. Буди ему за то громадная честь и слава! Такія открытія близко граничатъ съ истиннымъ творчествомъ.

Подробно описывать и разбирать эти колоссальныя монументальныя изданія Ровинскаго мнѣ теперь не приходится: Академія Наукъ давно уже имѣетъ передъ глазами мои подробные, полные удивленія и энтузіастнаго почтенія разборы. Скажу только, что и передъ Россіей, и передъ всею Европой изданія и изслѣдованія Ровинскаго составляютъ нашу славу и гордость.

Въ мартѣ 1890 года, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ „Словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ“, нѣсколько лицъ, глубоко уважавшихъ Д. А. Ровинскаго и высоко цѣнившихъ новое его твореніе, собрались къ нему однажды утромъ въ квартиру и поднесли ему лавровый вѣнокъ съ лентами національныхъ цвѣтовъ. Это были: А. Ѳ. Бычковъ, К. С. Веселовскій, Н. П. Кондаковъ, Л. Н. Майковъ, Е. Е. Рейтернъ, Н. П. Собко, графъ И. И. Толстой и я. Мы всѣ выразили Ровенскому наши чувства удивленія, признательности и симпатіи, а послѣ того я произнесъ маленькій привѣтственный спичъ, посвященный юношескимъ воспоминаніямъ о нашихъ съ нимъ работахъ и стремленіяхъ еще со временъ, близко слѣдовавшихъ за выходомъ нашимъ изъ Училища правовѣдѣнія. Мы повѣсили вѣнокъ передъ его глазами, надъ каминомъ. По своей необычайной скромности и даже робости въ присутствіи другихъ, и особенно вслѣдствіе похвалъ, Д. А. Ровинскій былъ, мнѣ кажется, еще болѣе сконфуженъ, чѣмъ польщенъ, но какъ онъ мнѣ сказывалъ потомъ, эта импровизированная искренняя овація была ему не непріятна. Это была, мнѣ кажется, *первая* и *послѣдняя* овація въ его жизни.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Д. А. РОВИНСКАГО.

Рѣчь сенатора **А. Ѳ. Кони.**

Ваши Императорскія Высочества, Милостивые Государи и Государыни!

Немного болѣе года назадъ, въ началѣ осени 1894 года, къ небольшому домику-особняку, утонувшему въ глубинѣ сада, въ концѣ 4-й линіи Васильевскаго острова, подъѣхалъ человѣкъ, одѣтый болѣе чѣмъ скромно, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдою бородой и вьющимися сѣдыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ нахлобученной войлочной шляпы. Онъ привезъ въ свое обиталище, заваленное книгами, папками съ гравюрами и драгоцѣнными изданіями и украшенное лично взрощенными цвѣтами, переплетенный въ старомъ русскомъ стилѣ адресъ, въ которомъ говорилось о его неустанномъ трудолюбіи, о безграничной его любви къ родинѣ и наукѣ, о тепломъ и свѣтломъ взглядѣ его на людей, на бѣдныхъ, несчастныхъ и даже впавшихъ въ преступленія... Этотъ старикъ былъ сенаторъ и почетный членъ двухъ Академій Дмитрій Александровичъ Ровинскій, — адресъ же былъ поднесенъ ему, по поводу пятидесятилѣтія его службы, его сослуживцами, сенаторами уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, въ которомъ онъ проработалъ неустанно двадцать-четыре года. То, что̀ было сказано въ адресѣ, были не обычныя юбилейныя фразы, тѣмъ болѣе, что Ровинскій,

предвидя возможность празднованія своего юбилея, „убѣжалъ“ за границу и тщательно скрывалъ свое тамъ мѣстопребываніе,—не тѣ „приподнятыя“ слова, которыя, по обычаю, говорятся „октавой выше“ противъ истины всякому юбиляру, при чемъ ни онъ, ни говорящіе сами имъ не вѣрятъ. Въ словахъ, написанныхъ многолѣтними свидѣтелями его труда, заключалась истинная оцѣнка человѣка, котораго имъ удобнѣе и точнѣе можно было разсмотрѣть въ теченіе долгой совмѣстной службы. Въ томъ же адресѣ выражалось Ровинскому его товарищами горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ жизни—„намъ и потомству въ назиданіе“. Въ этомъ пожеланіи невольно высказывалось и тревожное опасеніе. Тяжелый недугъ уже два года держалъ его въ своихъ тискахъ, то усиливаясь, сопровождаемый мучительными болями, то „отпуская“ на время. Онъ вынудилъ Ровинскаго прервать свои ежегодныя далекія путешествія, свелъ живыя краски здоровья съ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица, окончательно засыпалъ сѣдинои его бороду и длинныя, порѣдѣвшія кудри, придававшія ему такой патріархальный видъ, заставилъ потускнѣть полные ума и жизни прекрасные голубые глаза. Взглядъ этихъ глазъ чаще и чаще сталъ пріобрѣтать то особое выраженіе, которое бываетъ свойственно хорошимъ старикамъ, со спокойною совѣстью доживающимъ полезную жизнь. Онъ казался какъ будто устремленнымъ не на находящіеся предъ нимъ предметы, а куда-то вдаль, *туда*, на *тотъ берегъ*. Ровинскій, очевидно, готовился вступить на этотъ берегъ. Это сказывалось не въ одной его наружности, но и въ меланхолическихъ нотахъ его бесѣдъ, которыя онъ сталъ любить, по окончаніи засѣданія, вести съ наиболѣе близкими ему сослуживцами, отдаваясь преимущественно воспоминаніямъ прошлаго. Онъ могъ съ гордостью остановиться на мысли о своей личной роли въ этомъ прошломъ, проникнутой истиннымъ и высокимъ патріотизмомъ и согрѣтой любовью къ русскому человѣку съ тѣми его дорогими свойствами, которыхъ по словамъ поэта „не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный“. По желанію товарищей Ровинскаго не суждено было осуществиться — и опасенія ихъ оправдались... Въ настоящемъ торжественномъ собраніи, посвященномъ его *памяти*, личность и дѣятельность его будутъ, конечно, совѣщены со всѣхъ сторонъ. Мнѣ предстоитъ указать на сторону служебную, но да позволено мнѣ будетъ коснуться и своихъ личныхъ воспоминаній объ усопшемъ.

Государственная служба Ровинскаго началась, когда ему еще не было полныхъ двадцати лѣтъ. Родившійся 16-го августа 1824 года, онъ былъ опредѣленъ на службу въ седьмой департаментъ сената 13-го іюня 1844 года, тотчасъ по окончаніи курса, однимъ изъ первыхъ, въ Училищѣ правовѣденія. Седьмой департаментъ, гдѣ уже въ декабрѣ 1844 года Ровинскій занялъ должность помощника секретаря, находился въ Москвѣ. Въ „бѣлокаменную“ влекли молодого юриста воспоминанія дѣтства и родственныя отношенія.

Съ начала 1848 года Ровинскій, оставивъ сенатъ, исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, съ лѣта 1850 года въ теченіе почти трехъ лѣтъ—обязанности товарища предсѣдателя московской уголовной палаты, а въ августѣ 1853 года былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учрежденій, имѣла огромное значеніе въ нашемъ до-реформенномъ строѣ. Упраздненіе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ несудебныхъ дѣлъ слѣдуетъ признать большою ошибкою составителей судебныхъ уставовъ. Совершенное измѣненіе въ характерѣ дѣятельности прокурора, придавая ему „обвинительную“ обособленность, быть можетъ, и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ лѣса.

Губернскій прокуроръ съ губернскими стряпчими составлялъ особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи, учрежденіе, такъ-называемую „прокурорскую камеру“. Онъ имѣлъ надзоръ за всѣми мѣстными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соотвѣтствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: „читалъ“. Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія мѣста и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и стряпчіе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и, во многихъ случаяхъ, его обяза-

тельными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, обществъ и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *безгласныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ интересы казны, участвуя въ пріемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—интересы населенія, не допуская съ него никакихъ, не установленныхъ закономъ, сборовъ, — интересы и права частныхъ лицъ, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, людей, подлежавшихъ опекѣ по безумію или сумасшествію и требуя учрежденія слѣдственныхъ коммиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ, онъ охранялъ права арестантовъ, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія „безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ", и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной правительственной власти, выдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ, при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя „окомъ царевымъ".

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ представляетъ не мало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями. Борьба эта не всегда была успѣшна, но даже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія ревизіи, несшіяся, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою. Богъ знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій „поросло бы травой забвенья", еслибы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864 году влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесъ на эту должность всю свою молодую — ему было еще только 29 лѣтъ — жизненность и отзывчивость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ и большой опытъ. Служба товарищемъ предсѣдателя палаты и, главное, губернскимъ стряпчимъ дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и въ особенности административной дѣятельности. Онъ горячо принялся за работу, настойчиво во все вникая и зорко ко всему приглядываясь. Задача московскаго губернскаго прокурора — именно московскаго — за его время была очень нелегкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское „читалъ“ для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній, — область дѣятельности прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 года въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ семнадцатилѣтней опалы. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосолъ и нѣжный, слабый отецъ, онъ творилъ судъ и быструю расправу по-своему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напримѣръ, арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. п. Вторженія Закревскаго во всякія дѣла, и въ томъ числѣ судебныя, особенно гражданскія, были явленіемъ частымъ и, безъ сомнѣнія, составляли соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много такта и умной настойчивости, чтобъ охранять законъ и исполнять свои обязанности, „не взирая на лица“. Неслышное и по большей части незамѣтное для окружающаго общества, прямое и косвенное отстаиваніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Не даромъ онъ обращался, при своихъ работахъ по судебному преобразованію, съ укоризнами къ генералъ-губернаторской власти въ томъ видѣ, какъ ее понималъ и практиковалъ въ свое время графъ Закревскій.

Тяжела была и дѣятельность по чисто-судебной части. Права

губернскаго прокурора были большія, и онъ могъ, съ 1846 года, останавливать своими протестами исполненіе приговоровъ уголовныхъ палатъ; но не слѣдуетъ забывать, что надъ судомъ и надъ прокуроромъ стояла теорія формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ, которая связывала и угнетала свободное приложеніе судейскаго разумѣнія къ даннымъ дѣла. Какое бы вниманіе, какую бы серьезность ни вносилъ прокуроръ въ оцѣнку опредѣленія уголовной палаты, онъ былъ безсиленъ отвратить эту палату отъ того уклончиваго и ложнаго пути, который кончался знаменитымъ „оставленіемъ въ подозрѣніи", никого не удовлетворявшимъ, но прописываемымъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, указанныхъ въ судебной фармакопеѣ, носившей названіе второй части XV-го тома „Свода Законовъ". Громкія уголовныя дѣла, волновавшія Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ изъ-за формальной правильности и полнаго соотвѣтствія дѣйствовавшимъ правиламъ о доказательствахъ ярко сквозило матеріальное неправосудіе, при чемъ во всей красѣ сказывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти, и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи уложенія ума. Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона къ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою губернскимъ прокуроромъ. Дѣла о возмутительныхъ преступленіяхъ надъ личностью и о надругательствахъ сильнаго надъ слабымъ, полныя краснорѣчивыхъ косвенныхъ уликъ, попавъ на дорогу, вырытую *присяжными* свидѣтелями, достовѣрность показанія которыхъ обусловливалась ихъ общественнымъ положеніемъ — другими *совершенными* и *несовершенными* доказательствами, быстро и почти безповоротно выцвѣтали, обростая тиною разныхъ крючкотворныхъ подходовъ и подьяческихъ подвоховъ, затемнявшихъ истину. Губернскій прокуроръ, обремененный массою другихъ обязанностей, долженъ былъ вчитываться и вдумываться въ каждое рѣшеніе, чтобы не покрыть своимъ „читалъ" иногда вопіющую, но правильно и искусно оформленную неправду.

Не меньше вниманія надо было отдавать и слѣдствію. Оно было въ грубыхъ и не всегда чистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но въ сущности единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ. Изъ рѣчи, сказанной Ровинскимъ въ 1860 году

молодымъ людямъ, вновь назначеннымъ на должность слѣдователя, переходную уже къ новому порядку, видно, *что* такое были въ его время, въ Москвѣ, нѣкоторые производители слѣдствій, и *какъ* они дѣйствовали. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характернымъ признакомъ производства слѣдствій чинами наружной полиціи. Въ подтвержденіе этого Ровинскій приводилъ выдающіеся примѣры и т. д. „Главная причина всего этого“, говорилъ Ровинскій молодымъ слѣдователямъ, — „кроется сколько въ неспособности полицейскихъ слѣдователей, столько и въ томъ, что многіе изъ нихъ, при ничтожномъ содержаніи и ежедневно возростающихъ потребностяхъ, привыкли, по необходимости, смотрѣть на взятіе подъ стражу, освобожденіе арестанта, вызовъ, высылку, вообще на все слѣдствіе, какъ на средство къ своему существованію. Вотъ почему полицейскіе слѣдователи тянутъ свои слѣдствія цѣлые годы, оправдываясь медленностью высшихъ инстанцій и разсчитывая на полную безнаказанность со стороны своего начальства. Вотъ почему трактиръ, полпивная и всякое заведеніе, при самомалѣйшей возможности притянуть ихъ, непремѣнно перебываютъ у слѣдователя съ своимъ хозяиномъ, прислугою, чуть не со всею посудою“. Но не одна неумѣлость и иногда желаніе „покормиться“ искажали производство слѣдствія. Это искаженіе шло гораздо дальше тамъ, гдѣ нужно было выслужиться или отличиться. Ровинскій приводилъ слѣдователямъ „всплывшіе изъ глубины канцелярской тайны“ случаи доведенія мѣщанина вывернутіемъ руки до „чистосердечнаго сознанія“ въ убійствѣ, совершенномъ совсѣмъ другимъ лицомъ, и сѣченія невиновной, какъ то оказалось, въ кражѣ дѣвочки шестнадцати лѣтъ плетью по животу, для полученія такого же сознанія. Въ объясненіяхъ къ „Народнымъ картинкамъ“ онъ указываетъ на обычный даже и въ его время въ глухихъ мѣстностяхъ пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ недаваніи пить заподозрѣнному, накормленному соленымъ сельдемъ и посаженному въ жарко-истопленную баню, и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената дѣло частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, „исправлявшій должность *дыбы*“.

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳедора Петровича Гааза, отдавшагося всецѣло помощи заключенному, утѣшенію его и заботѣ о немъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ офиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: „Торопитесь дѣлать добро!“ Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ. „Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ“, сказалъ Филаретъ, — „о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ — значитъ, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. „Да вы о Христѣ позабыли, владыко!“ вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе — осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: „Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ, — Христосъ меня позабылъ!..“ — благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ — уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на

мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы — „батюшка, ну, сдѣлайте это для меня, двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе“, говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ — пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и „видящаго насквозь“, производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно ослушаться, да и „втереть ему очки“ — нечего было и думать. Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ. Особенное вниманіе обращалъ онъ на „частные дома“ съ ихъ такъ-называемыми „съѣзжими“. Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда; тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы „сѣкуція“. Если нѣкоторыя городскія части пріобрѣли свою особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличался въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь немедленно имъ уничтоженныхъ подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались „могилами“, и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся „за приставомъ“.

Не мало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была „клеймена Россія“, давило въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всею своею тяжестью и оказывало свое растлѣ-

вающее вліяніе на все общественное зданіе. Въ Московской губерніи постоянно возникали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя графъ Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отношеній. Кромѣ всесильнаго генералъ-губернатора, на безпощадной стражѣ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на основаніи ст. 1983 тома IX-го, крестьянъ, непокорныхъ не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, то-есть, каторжной работѣ на очень длинные сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившіяся къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію онѣ подвергались, особенно если имѣть въ виду, что, по ст. 221 второй части XV-го тома, крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь *за недостаткомъ* другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ графомъ Закревскимъ, и въ уголовной палатѣ спокойный и трезвый взглядъ на дѣла о „возстаніяхъ“ крѣпостныхъ и, лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно и неохотно добытыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо, чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось „дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества“, было подъ часъ вопіющее злоупотребленіе власти надъ ближнимъ, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности „жертва“ была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею, — и тѣмъ обратить его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону. Нужно было много выдержки, спокойствія, знанія и безупречной чистоты въ дѣйствіяхъ, чтобы выходить побѣдителемъ при разрѣшеніи подобныхъ задачъ. Хотя это и удавалось Ровинскому, но оставило горькій осадокъ въ его душѣ, отразившійся впослѣдствіи между прочимъ и на его представленныхъ въ государственную канцелярію, въ 1860 году, разсужденіяхъ о необходимости „различать безсвязныя волненія отъ того, что̀ еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія“.

Когда, по выраженію А. П. Ермолова, въ 1856 году „зардѣлась заря освобожденія крестьянъ“, и Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь свои взгляды на крѣпостное право, онъ неожиданно чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли. По причинамъ, которыхъ теперь доискаться не возможно, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ сенатъ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду натуры Ровинскаго это было тяжкимъ ударомъ. Жестокое по отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе — своего рода „сдача въ архивъ“ — являлось лишеннымъ смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, о способѣ производства которыхъ въ министерствѣ юстиціи ходили цѣлыя легенды. Вообще на странность и бездушную иронію нѣкоторыхъ изъ распоряженій по личному составу въ министерствѣ юстиціи до судебной реформы можетъ указывать и приводимый Н. П. Собко въ прекрасной біографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ Архангельскъ отца Перова, губернскаго прокурора въ Тобольскъ, просившагося въ болѣе умѣренный климатъ, потому что здоровье его не выносило суровой зимы. Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, несмотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за „своего“ губернскаго прокурора, и благодаря его письму, отъ 19-го апрѣля 1857 года, послѣдній остался на мѣстѣ. Впрочемъ, служебные дни самого графа Закревскаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты Престола, какъ святой благовѣстъ, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ глядѣть на Москву, какъ смотритъ рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ, уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому государемъ великому дѣлу, повелительно указалъ Кокореву на дверь, когда тотъ позволилъ себѣ „заявить себя на сторонѣ петербургскихъ глупостей“ (Русскій Архивъ 1885 г.), и утверждалъ

громогласно, что „въ Петербургѣ *одумаются*, и все пойдетъ по старому“.

Отношенія Ровинскаго съ замѣстителемъ Закревскаго были вполнѣ спокойныя, а въ ближайшіе затѣмъ годы онъ сразу испыталъ двѣ радости общественнаго характера. Избраніе въ депутаты звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ дало ему возможность поработать по давно наболѣвшему у него вопросу и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ „безполезнаго само по себѣ орудія возмутительнаго произвола“. Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ Карлсруэ, 9-го сентября 1858 года: „Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій; о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать, — это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастію, не употребляются“.

Изданіе давно и страстно ожиданнаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе „Наказа судебнымъ слѣдователямъ“ были важнымъ шагомъ къ доступному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ еще, не испорченнымъ рутиной и соблазнами жизни людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось. Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полная практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго сначала въ послѣднемъ недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе, была своего рода разчетомъ съ начинавшими разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, тогда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: „Бо̀льшая часть

изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще неопытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога̀ ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни! Опытности вамъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только-что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками*! Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„что вы служили дѣлу, а не лицамъ;

„что вы старались дѣлать правду и приносить пользу;

„что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками“.

Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна заря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго, правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи. Эта рѣчь была и лучшимъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду.

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывалось иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа выработывалась „горестно и трудно“, — горестно для любившихъ исключительно себя, трудно — для любившихъ русскій народъ, то на оборотъ, пересозданіе всего судебнаго строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признана всѣми. Могущественное слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи госу-

дарственнаго совѣта по дѣлу Баташова, отъ 16-го ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, „ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства“, по справедливости можетъ считаться первымъ лучомъ судебнаго преобразованія. Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ, и поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской безгласной и бездушной расправы, какъ желательный и неприкосновенный, или прикрываясь лукавою осторожностью, рисовать „пагубныя послѣдствія“ предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы, старый судъ не внушалъ привязанности никому; отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь „въ судахъ полна неправды черной“, было не празднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей, истиною. Наконецъ, въ работахъ по судебному преобразованію не выдѣлялся особенно никто, — всѣ трудились дружно, съ единомысліемъ о необходимости реформы, съ довѣріемъ къ близкому будущему и безъ затаенной и любовной оглядки на близкое прошлое, стараясь уврачевать въ своей родинѣ застарѣлый недугъ неправосудія. Поэтому не было среди этихъ работниковъ и человѣка, могущаго служить, подобно Ростовцеву, мишенью для недовольства, ненависти и клеветъ, плохо прикрываемыхъ умышленно - близорукою и прозрачно - недобросовѣстною критикою порученнаго ему дѣла. Печать и общество съ спокойною увѣренностью ожидали результатовъ судебнаго преобразованія.

Но сами работники въ дѣлѣ этого преобразованія не подходили однако подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлаго. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣденіями, невольно внося въ свои предложенія и свои личныя свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики*, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ

политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели*, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Они находили себѣ сильную опору во вліятельныхъ мнѣніяхъ автора „Общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства", графа Д. Н. Блудова. Записка эта представляла, по богатству матеріала и своеобразному его освѣщенію, одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ подготовительно-законодательнаго характера. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебнаго устройства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ повести къ столкновеніямъ, запутанности и даже удалить отъ желаемой цѣли, графъ Блудовъ являлся поборникомъ *слѣдственнаго* начала и, относясь скептически къ началу *обвинительному*, предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, „имѣющихъ цѣлью какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты". Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденія „депутатовъ" при слѣдствіи; къ установленію права отвода слѣдователей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и дополнительныя объясненія. Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя, для полнаго разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія

къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства. Къ этой группѣ принадлежало большинство „отцовъ судебныхъ уставовъ“, то-есть, членовъ Высочайше учрежденной коммиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части.

Ровинскій, по высказываемымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго „за кулисами“ отжившаго суда, примиряться и съ мыслью о постепенномъ, медлительномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учрежденій и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, „заглушалъ плевелъ старинный—величья новаго посѣвъ“.

Принадлежавшій Ровинскому экземпляръ общей объяснительной записки графа Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій имъ смыслъ состоитъ въ томъ, чтобы предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существенномъ судопроизводства, не внесли въ него ничего такого, чего что не могли бы всосать въ себя рутина и „приказное“ отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было изношенное и негодное, не приращать случайными и внѣшними прививками существовавшій судебный строй, не трогая его главнѣйшихъ внутреннихъ началъ. Слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему, или въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень краткій срокъ, мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его. Въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“ Ровинскій со свойственною ему образностью выражаетъ мысль о безполезности всякихъ частичныхъ реформъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, разсказывая о тщетной борьбѣ крутыхъ царей Ивана Ва-

сильевича и Петра Алексѣевича съ чиновничьимъ взяточничествомъ въ судебныхъ приказахъ, съ произволомъ и „кормленьемъ“ воеводъ. Его не удовлетворяли и реформы Екатерины II по этой части, замѣнившія воеводу коллегіей, такъ какъ ими не измѣнялась сущность судебныхъ порядковъ и порочныя привычки судей. „Либеральныя декораціи“, говоритъ онъ, — „не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностью, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія (судебныя коллегіи) мѣткою пословицею: „прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками“. По этому же поводу онъ приводитъ остроумный отзывъ князя А. С. Меншикова, назвавшаго нерѣшительныя, отрывочныя и частичныя мѣры, предпринятыя въ 1838 и 1839 годахъ относительно государственныхъ крестьянъ, „улучшеннымъ бытомъ въ уменьшенномъ видѣ“. Поэтому патетическія выраженія „Общей объяснительной записки“, въ родѣ указанія на „естественную, драгоцѣнную для всякаго чувствительнаго человѣка мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполнѣ заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи“, не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудость предлагаемыхъ ею мѣръ.

На приглашеніе доставить соображенія о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину государственнаго совѣта и обращенное государственною канцеляріей къ юристамъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовнаго, о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства, о производствѣ слѣдствія, объ обвинительномъ началѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и наконецъ, о порядкѣ введенія новаго судоустройства вообще и въ Московской губерніи въ особенности.

Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простого и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное зданіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ свое главное дѣло — введеніе уставныхъ грамотъ, преобразиться въ „мирового судью—не

юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе говорится по совѣсти". Дѣятельный мировой судья, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисовался практическому уму Ровинскаго, — защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околодка; онъ — первое звено между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ подсудныя ему дѣла по гражданскимъ спорамъ до 30 рублей, а въ уголовномъ отношеніи о всѣхъ маловажныхъ поступкахъ; но по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ вопросъ идетъ о завладѣніи или гдѣ замѣшаны *проѣзжіе*, онъ разбираетъ споры на всякую сумму съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ первой степени. Проектируя учрежденіе такого живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго путемъ выборнаго начала, суда, Ровинскій, конечно, не могъ предвидѣть, что впослѣдствіи дѣятельность мирового судьи будетъ въ ея практическомъ осуществленіи, вслѣдствіе односторонняго направленія гражданскаго кассаціоннаго суда, обставлена рядомъ требованій формальнаго свойства и въ дѣлахъ гражданскихъ отчасти утратитъ тотъ живой и непосредственный характеръ, который онъ думалъ ей придать. Но его занималъ обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ: гдѣ взять людей? Онъ однако отвѣчалъ, на него успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіеся почти безвыѣздно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. „Конечно", писалъ онъ, — „дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразованіе настоящаго времени, и что каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльныя, а главное, живыя преобразованія по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьѣ будутъ сохранены та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное, еще полезнѣе должности мирового посредника". Теплое, можно сказать, благодарное воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся

общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ нынѣ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безразсчетно пошли на эту должность, когда „насталъ великій мигъ, въ скрижаляхъ царства незабвенный“; любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по Московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ.

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло однако гораздо болѣе сложную задачу. Длѣ него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да по мысли Ровинскаго и не должны были представить ничего пригоднаго для новой постройки. Задача созданія въ этой области новаго, не испытаннаго и притомъ въ связи съ новыми же началами судопроизводства стояла внѣ обычнаго канцелярско-бюрократическаго пути и неразлучнаго съ нимъ высокомѣрнаго взгляда на потребности общества, противъ котораго впослѣдствіи горячо высказывался Ровинскій съ своихъ „Народныхъ картинкахъ“ (томъ IV, стр. 318). Поэтому здѣсь предстояла особо трудная и особо интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ, былъ вопросъ объ *основаніяхъ опредѣленія виновности*. Такихъ основаній, въ ихъ коренныхъ чертахъ, въ сущности два. Или вопросъ о виновности разрѣшается по заранѣе опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда обязательною оцѣнкой взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ, или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и покоится исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила, подобныя тѣмъ, которыя начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ во второй части XV-го тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, прежде всего, собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, но правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло, поэтому, для стараго суда большой цѣны показаніе „явнаго прелюбодѣя“ или „портившаго тайно межевые знаки“, или „иностранца, поведеніе котораго не извѣстно“, да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ

незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ нимъ и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріей на первый планъ, какъ „лучшее доказательство всего свѣта", собственное сознаніе обвиняемаго имѣло очень часто пагубное вліяніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ. На *ходъ* дѣла—потому, что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подъ часъ самыми противозаконными способами и пріемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ „упростить" дѣло; на *исходъ*—потому, что при массѣ косвенныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ умѣвшій не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обѣленнымъ, или въ лучшемъ случаѣ, оставленнымъ „къ подозрѣніи" и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть „къ добру и злу постыдно равнодушнымъ", прежнее положеніе.

Притомъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возможность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой, съ желаніемъ по возможности добиться справедливости судья, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочныхъ обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его сознанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго въ *сильномъ подозрѣніи*; судья, „въ приказахъ посѣдѣлый", привыкшій со скучающимъ равнодушіемъ „спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ", безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія. Вслѣдствіе того, и въ то же время не смотря на это, не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда на рядъ примѣровъ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія предшествовавшихъ по одному и тому же дѣлу приговоровъ. Очевидно, что осно-

ванія опредѣленій виновности, связанныя съ теоріей формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Но лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служитъ осуществленіе обвинительнаго начала; оно же связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболѣе яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовнаго правосудія съ „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ въ рукахъ. Хотя въ литературѣ еще съ 1858 года раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но среди многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и притомъ безпочвеннымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ „Сводѣ“, ни даже въ „Полномъ собраніи законовъ“, и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ большими политическими потрясеніями, едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный пріемъ со стороны этихъ лицъ. Даже самое возбужденіе вопроса о возможности такого суда въ чистомъ видѣ и безъ всякихъ искаженій представлялось гадательнымъ.

Ровинскій смотрѣлъ однако на дѣло иначе. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ учрежденію суда присяжныхъ. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и опирающихся на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ

своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. „Надлежитъ ли“, спрашивалъ графъ Блудовъ, — „для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно-обвинительной? Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожь прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы, она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ нему приготовленія, и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли“. Изъ этихъ словъ самъ собою выясняется взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ. „Въ настоящее время“, писалъ онъ въ своей запискѣ, — „едва ли полезно установлять у насъ судъ *чрезъ* присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда бо́льшая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія удальствомъ, а преступники — только *несчастными*. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго не нужно особое образованіе и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ

изъ его круга. Не трудно заключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для сего есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ; для сего уже одного здраваго смысла далеко недостаточно".

Высокое оффиціальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ его взгляды на неподготовленность русскаго народа къ воспринятію суда присяжныхъ оказались во многомъ сходными съ тѣмъ, что̀ высказывалъ въ университетѣ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ молодой и глубоко талантливый профессоръ уголовнаго права.

Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе.

„Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это", писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда,— „противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія. Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами,—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи

уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны, —и это правда. За это сострадание слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія".

Эти прекрасныя строки, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, тридцать-пять лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ народу ставится кстати въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его „Русскихъ народныхъ картинкахъ" есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще „къ заключенному". Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжко продолжительное *тюремное сидѣніе*, въ которомъ даже и виновный, — а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ,—съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до суроваго приговора, его постигавшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражею вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Екатерины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ въ 1754 году, касается дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, при чемъ осужденные содержались въ тяжкомъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впослѣдствіи, въ силу указа императрицы Елисаветы о непроизводствѣ *натуральной смертной казни* впредь до точнаго о томъ распоряженія, ссылкою въ монастырь и на каторгу. Но и чрезъ сто лѣтъ Ровинскій въ „Свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства" указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ уменьшенію *многолѣтняго* сидѣнія въ тюрьмахъ *подслѣд-*

ственныхъ арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокатріо, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ болѣе четырехъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ „за справками". Въ промежутокъ отъ Жуковыхъ до Вокатріо Екатерина II написала, по словамъ Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменныхъ зàмковъ, но замки эти были каплею въ морѣ, и тюрьма по прежнему оставалась мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы въ воздухѣ, свѣтѣ, а въ первое время и въ пищѣ, вовсе не принимались въ разсчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени, съ надписью: „въ темницѣ бѣхъ". Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: „Какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова Thurm — башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками, или скованные желѣзами по рукамъ и ногамъ; на шею надѣвалась имъ рогатка; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, то-есть, къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные клинья, чтобъ они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе наказанія".

Но и въ первой чтверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще положеніе арестантовъ были не лучше. Знаменитая записка англійскаго филантропа Венинга, поданная императору Александру I, данныя, относящіяся къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза, и нѣкоторые офиціальные памятники изъ дѣлъ того времени рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла предъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ столицахъ по-

лутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія: колодки, приковываніе къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложится и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные, отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собою ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863 году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго московскаго судебнаго округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія „безобразія“. Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали настоящіе дѣлатели, а управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей.

Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ; другое и притомъ, конечно, не меньшее состояло въ господствѣ произвола при заключеніи въ тюрьму и въ необычайной медленности въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 году было

освобождено „по многомъ держаніи“ 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но „ради взятокъ и бездѣльныхъ корыстей“. Даже и во второй четверти нашего столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ назначеніемъ по 300 и болѣе человѣкъ въ солдаты и въ арестантскія роты *безъ суда*, сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской „Елизаветъ Воробей“, и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, только, за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ, въ рабочемъ домѣ. Онъ прибавляетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10 — 15 человѣкъ, воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности, арестанты, истощенные и блѣдные, „а вѣдь все это люди, только лишь обвиняемые и, быть можетъ, вовсе и не виновные“. Представленіе объ арестантѣ какъ о *несчастномъ* слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767 году, но продолжали неофиціально существовать подъ именемъ допроса „съ пристрастіемъ“ до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, „какъ стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее“. Но народъ не могъ забыть о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ посылали „на связкахъ“ каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. На народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ, и выраженія „согнуть въ три погибели“, „выпытать всю подноготную“ и т. п. съ несомнѣнностью указываютъ на пыточ-

ные пріемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди; наши пытки были жестоки, но проще и менѣе утонченны, чѣмъ, напримѣръ, подробно описанныя, съ тщательными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ „Народныхъ картинкахъ“ справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 гг.), составленную для императрицы Екатерины II, съ описаніемъ „обряда, како обвиненный пытается“, и съ подробнымъ описаніемъ, какъ пріемовъ мученія, отъ которыхъ „оный злодѣй весьма ізумленнымъ бываетъ“, такъ и способовъ усугубленія ихъ, „дабы оный болѣе істязанія чувствовалъ“.

Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ *несчастнымъ*, указываетъ Ровинскій. Онъ говоритъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично и, конечно, пробуждавшихъ, на ряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ къ „Народнымъ картинкамъ“ Ровинскій, съ обычною своею обстоятельностью и подробностью въ ссылкахъ, приводитъ описанія кнута, плетей, шпицрутеновъ и способа наказанія ими. Не останавливаясь на отталкивающихъ частностяхъ этихъ описаній, нельзя не отмѣтить указываемой авторомъ своеобразной заботливости о техническомъ улучшеніи этой части. Такъ, старинный козелъ, на которомъ били кнутомъ „нещадно“, въ XVIII вѣкѣ замѣненъ былъ помощникомъ палача, а въ 1788 году человѣкъ былъ замѣненъ станкомъ, называемымъ кобылою. Двухвостая до 1839 года плеть была замѣнена въ 1840 году, по положенію комитета министровъ, трехвостою въ 1847 году; установлены и разосланы по губернскимъ правленіямъ при особомъ циркулярѣ „образцовыя розги“; въ 1846 году медицинскій совѣтъ преподалъ правила для изготовленія особаго состава на предметъ затиранія ранъ отъ наложенія клеймъ на лбу и щекахъ, для чего прежде употреблялся порохъ, и т. д. Но и при этомъ обычномъ господствѣ тѣлесныхъ наказаній сказались особенности русскаго народа. „Со стороны“ никто не шелъ въ исполнители торговой казни. Изъ приводимыхъ Ровинскимъ интересныхъ свѣдѣній о палачахъ, видно, что у насъ никогда не было профессіональ-

ныхъ палачей, и господинъ во фракѣ, носящій титулъ Monsieur de Paris, пріѣзжающій къ мѣсту исполненія казни въ собственномъ экипажѣ, слѣдящій свысока за „туалетомъ“ осужденнаго и брезгливо трогающій рукою въ бѣлой перчаткѣ пружинку гильотины, у насъ немыслимъ. До *этой* стороны западной культуры мы совершенно не доросли, да, вѣроятно, никогда и не доростемъ. У насъ палачи набирались изъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Служба въ Москвѣ доставила Ровинскому возможность видѣть близко нѣсколькихъ типичныхъ палачей, и между прочимъ знаменитаго семидесятилѣтняго „Алешку“, разрѣзавшаго однимъ ударомъ плети толстый лубокъ пополамъ. Изъ времени этой службы, со словъ очевидцевъ, вынесъ онъ и картину наказанія плетьми, съ обычнымъ: „Берегись, ожгу!“ Свидѣтелемъ этой картины бывали и массы народа.

Бывалъ народъ свидѣтелемъ и другой страшной картины; въ живыхъ подробностяхъ ея описанія у Ровинскаго сквозитъ, что онъ и самъ имѣлъ несчастіе видѣть картину проводки сквозь строй, при чемъ уже пятьсотъ ударовъ шпицрутенами составляло, въ большей части случаевъ, замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь.

Въ то время, когда графъ Блудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности, потому что у него существуетъ представленіе о „несчастномъ“,—ужасныя картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыкновеннымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ, были отправляемымъ съ полною публичностью проявленіемъ дѣятельности карательнаго механизма. Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ „несчастному“, а нисколько не доказывать, что народу чужда идея справедливаго суда за преступленіе, то съ другой стороны, господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній поселяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣе увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, русскаго посланника въ Брюсселѣ князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ офиціальныхъ сферахъ, въ 1861 году, вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Его благородное имя не должно, не будетъ забыто русскою исторіей. Къ та-

кимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода „caeterum censeo“ всѣхъ его работъ по поводу судебнаго преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ въ слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новый путь, свободный отъ обязанности подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія; въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы замѣны этого наказанія другими, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего уложенія о наказаніяхъ, что въ свою очередь представляется дѣломъ весьма сложнымъ, и притомъ едва ли своевременнымъ, и т. д., и т. д. „Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію“, говорилъ онъ,—„и упраздните арестантскія роты и рабочіе дома, этотъ разсадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ; организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи, и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступленія, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ растлѣвающей и развращенной тюремной средѣ“.

Когда свершилась въ 1863 году съ тревожною надеждою жданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ привѣтствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881 году, когда и другая его мечта, о судѣ присяжныхъ, была давно осуществлена, онъ, описавъ въ „Народныхъ картинкахъ“ виды и способы выполненія наказаній „на тѣлѣ“, говоритъ: „Съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю не зачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго „чистосердечнаго признанія“,— сознавайся не сознавайся, а если виноватъ, обвиненъ все-таки будешь,—а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены,

несмотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, „что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ“, и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится... „Всуе смятошася и вотще прорекоша!“ Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ... И не забудетъ русскій народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его Дѣлателя!“ прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи о томъ, кого въ „Словарѣ гравированныхъ портретовъ“ (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей Русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. Русская жизнь подтвердила его слова тридцать-пять лѣтъ назадъ, подтверждаетъ ихъ, къ сожалѣнію, и теперь для всякаго, кто, минуя образцовыя тюрьмы столицъ, заглянетъ немного въ сторону отъ торнаго пути.

„Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ происходятъ между прочимъ отъ того“, писалъ онъ въ 1863 году,—„что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части и въ ожиданіи ихъ не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, а составляютъ обширные планы на возведеніе новыхъ тюремъ въ цѣлые милліоны рублей. Отовсюду слышатся разнообразныя требованія: одни требуютъ и при нынѣшнихъ средствахъ европейской чистоты и воздушной вентиляціи, забывая, что народъ нашъ ѣстъ постоянно кислое, квасъ, хлѣбъ, капусту; что у насъ почти восемь мѣсяцевъ зимы, въ продолженіе которыхъ заключенные прикрыты одними полушерстяными халатами, и что при такихъ условіяхъ устройство усиленной вентиляціи въ ихъ камерахъ можетъ повести къ плачевнымъ послѣдствіямъ для здоровья содержащихся; другіе весьма справедливо

жалуются на то, что въ тюрьмахъ можно достать вино, но предлагаютъ для отвращенія этого зла усиленіе надзора и разныя стѣснительныя для арестантовъ мѣры, забывая, что именно лицами, приставленными для надзора, и проносится обыкновенно вино для продажи арестантамъ; третьи хотятъ заграничныхъ залъ и заведенія мастерскихъ въ большихъ размѣрахъ; четвертые требуютъ полнаго уединенія арестантовъ во время дня и ночи, забывая, что въ нашемъ суровомъ климатѣ содержаніе арестанта въ одиночной камерѣ обойдется не менѣе 300 рублей". Въ 1881 году онъ возвращается въ „Народныхъ картинкахъ" снова къ вопросу о тюрьмахъ и о „несчастномъ". Весь Ровинскій, съ его теплотою, оригинальностью и близостью къ простому русскому человѣку, на страницѣ 329 IV-го тома этого изданія. „Съ новымъ судопроизводствомъ дѣла пошли скорѣе, и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче", говоритъ онъ, — „и кажется, всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе, и гдѣ его всѣ боятся: ну, возьмете ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьею, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа — военная служба; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, *на особыхъ конечно условіяхъ*, въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго; спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ, — ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни... А сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала", продолжаетъ онъ, защищая свое оригинальное мнѣніе, въ которомъ, быть можетъ, жизненная правда звучитъ въ ущербъ теоретической послѣдовательности, — „матеріала, пропадающаго даромъ, прибавится къ арміи и пойдетъ въ дѣло.

Дайте же провинившемуся собрату *настоящую возможность* исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился, и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ не привыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа... Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ", заключаетъ Ровинскій, какъ бы возобновляя свой старый споръ съ Блудовымъ, — „но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не въ правѣ былъ смотрѣть на заключеннаго какъ на *несчастнаго*!"

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ „несчастнымъ" приводилось Блудовымъ какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого было не возможно въ то время спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ важность и справедливость обвиненія народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которыхъ освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки, зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ общей объяснительной запискѣ Блудова. „Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ", писалъ Ровинскій въ 1861 году, — „то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро освоиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое обра-

зованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось, и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло".

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ровинскій, еще не видя суда присяжныхъ въ дѣйствіи, съ такою вѣрою въ его пригодность для Россіи и въ его цѣлесообразность ратовалъ за него. Возникшее затѣмъ существованіе у насъ этой формы суда нельзя назвать спокойнымъ и безмятежнымъ. За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подверглись самымъ разнообразнымъ нападкамъ, при чемъ призванные и не призванные витязи идеальнаго правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмездный трудъ постановки свыше четырехъ съ половиною милліоновъ уголовныхъ приговоровъ. Можно сказать, что упованія Ровинскаго на судъ присяжныхъ сбылись. Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, созванное министромъ юстиціи въ декабрѣ 1894 году, своимъ авторитетнымъ и почерпнутымъ изъ многолѣтняго и многосторонняго опыта словомъ подтвердило благородныя надежды стараго губернскаго прокурора, придя въ общемъ выводѣ безусловно въ пользу присяжныхъ. Совѣ-

щаніе признало, что этотъ судъ, жизненный, имѣющій облагороживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Оно нашло, что русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*, честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Этими соображеніями, такъ хорошо характеризующими широкій и предусмотрительный взглядъ Ровинскаго на постановку новаго судебнаго дѣла и на его значеніе во внутреннемъ строѣ государства, приходится заключить обзоръ дѣятельности его по выработкѣ судебныхъ уставовъ.

Одновременно съ работами законодательнаго характера, наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ совлеченію съ себя „ветхаго Адама", стараго судебнаго устройства, отъ порядковъ котораго такъ наболѣло сердце Ровинскаго. Еще 21-го ноября 1862 года ему было объявлено Высочайшее повелѣніе о собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣденій для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ и способахъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей московской судебной палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, планъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863 года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Данныя эти и соотвѣтствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto, въ 265 и 303 страницы, подъ названіемъ „Свѣдѣній о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской". Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій вносилъ во все живую струю, и благодаря тому, „Свѣдѣнія" представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей несостоятельности разрушаемаго судебнаго строя и всей настоятельности созидаемаго на новыхъ началахъ. Любимое „caeterum censeo" Ровинскаго нашло и здѣсь свое мѣсто. Его постоянная забота о народѣ выражается въ

настояніи, чтобы новая постройка не обошлась ему дорого и принесла бы дѣйствительную пользу. Опредѣляя непремѣнныя условія хорошаго суда, въ которомъ каждый членъ вполнѣ способенъ предсѣдательствовать съ присяжными засѣдателями, онъ замѣчаетъ: „Только при такихъ условіяхъ справедливо будетъ дать судьямъ доброе содержаніе; только при нихъ народъ убѣдится, что деньги, собранныя съ его труда, употреблены разсчетливо и сообразно съ его дѣйствительными нуждами, а не съ отвлеченными принципами, и что деньги эти купили для него тѣхъ судей знающихъ и справедливыхъ, которые обѣщаны ему „Основными ооложеніями“.

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учрежденіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: „нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ“ было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало идти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій такъ и сдѣлалъ.

Подготовительныя работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ этому вѣдомствъ, велись столь успѣшно, что на самомъ порогѣ 1866 года—31-го декабря 1865 года—министръ юстиціи Замятнинъ счелъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ Петербургской и Московской губерніяхъ окружныхъ судовъ и палатъ—въ первой 17-го, а во второй 23-го апрѣля 1866 года. На докладѣ его объ этомъ императоромъ Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: «*Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и славы Россіи*». Эти знаменательныя слова опредѣляли взглядъ монарха на предстоящее новое дѣло и, будучи, по ходатайству Замятнина, объявлены по вѣдомству министерства юстиціи, призывали судебныхъ дѣятелей не къ одному только исполненію зауряднаго служебнаго долга, но и къ дружной, увѣренной и благотворной работѣ на пользу родины. Ими не только возлагались великія обязанности, но и ставились высокія задачи.

Каждый, кто сознательно пережилъ это время, помнитъ то одушевленіе, иногда доходившее до жертвъ служебными выгодами и положеніемъ, которое охватило тогда всѣхъ, кто считалъ себя пригоднымъ или полезнымъ именно для новой судебной дѣятельности. Но если въ этомъ отношеніи было много *званыхъ*, то на первое время число *избранныхъ* было весьма ограничено. Для того, чтобы попасть въ послѣдніе, нужно было проходить чрезъ серьезную и строгую провѣрку. Недаромъ имена первыхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей столичныхъ окружныхъ судовъ, — носители которыхъ, за исключеніемъ одного, уже давно сошли въ могилу,—пользуются заслуженнымъ уваженіемъ среди всѣхъ, кому пришлось хоть отчасти видѣть ихъ многотрудную созидательную дѣятельность. Будущему историку судебной реформы предстоитъ съ благодарнымъ чувствомъ встрѣтиться съ ихъ работой и нравственнымъ обликомъ.

Въ числѣ „избранныхъ“ оказался и Ровинскій, назначенный приказомъ, отъ 4-го февраля 1866 года, прокуроромъ вновь образуемой московской судебной палаты. Трудно было сдѣлать лучшій и болѣе подходящій выборъ. Вся прежняя служба, вся его недавняя судебно-законодательная дѣятельность, наконецъ, самая личность бывшаго губернскаго прокурора, энергическая, близкая Москвѣ, исполненная пониманія народной жизни и общественныхъ потребностей, все говорило за это назначеніе, подсказывало, предписывало его.

Ровинскій бодро, горячо и съ видимымъ удовольствіемъ принялся за новую работу. Но онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организаціи прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участія въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленій, помимо надзора за правильнымъ ходомъ практическаго осуществленія мировой выборной юстиціи, прокурору палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между министерствомъ юстиціи и административными мѣстами и лицами, устраняя у разъясняя многія недоразумѣнія и „недоумѣнія“, принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое дается безъ труда и совершается съ *легкимъ* сердцемъ; второе осуществляется съ болью, съ

оглядкою назадъ, нерѣшительно и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вдвинулся въ русскій общественный обиходъ новый судъ, образовавшій своего рода „insula in flumine nata“, теоретическія симпатіи стали нерѣдко смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ стороннихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, „не взирая на лица“, обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію, всегда доброжелательнаго усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права, изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ судебными уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ, и все это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьею, которую объединяло нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. Притомъ эти новые дѣятели, правда, въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернскій прокуроръ, но за то болѣе настойчиво и безъ колебаній ссылались на законъ, написанный въ ихъ „слоеномъ пирогѣ“ (такъ въ шутку были названы судебные уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это становилось подчасъ скучно, стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго „Свода“ и откликавшимся, лишь когда требовалась его услужливая помощь, а начиналъ являться какъ Пушкинскій „незваный гость, докучный собесѣдникъ“. Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ нареканій и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива министерства юстиціи за 1866 и 1867 годы. Нужно было много ума, такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснять и распутывать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебнаго устройства и въ то же время „не норовя своимъ“, которые

въ первое время впадали подчасъ въ крайности и дѣлали промахи, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе того и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры пріобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣзкости, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для московскаго округа требовалось 10 прокуроровъ и около 70 товарищей прокурора окружного суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, не испытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и притомъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Приходилось—уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія представлялись весною 1866 года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступавшаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокуратуры всего судебнаго округа, прокурора судебной палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-нибудь чиновника пятаго класса, судившагося въ палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за преступленіе по должности.

Въ первый годъ существованія новыхъ судовъ Ровинскій постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ палаты по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, *какъ* надо вести дѣло, являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь—живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ—выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей и, никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить другихъ во что̀ бы то ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, на ряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ

„безобразіе“, онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей спокойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но за то никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя „обращаться со словомъ честно“.

Данное житейскимъ опытомъ знаніе людей и горячая любовь къ новому дѣлу руководили имъ въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ искалъ ихъ всюду, и имена многихъ изъ первыхъ прокуроровъ судовъ московскаго округа съ честью звучали затѣмъ въ рядахъ высшихъ судебныхъ дѣятелей до сената включительно. Имъ былъ избранъ въ товарищи прокурора московскаго суда и затѣмъ сдѣланъ калужскимъ прокуроромъ блестящій умомъ, страстный и одаренный громадною энергіей Н. А. Манасеинъ; онъ оцѣнилъ и быстро выдвинулъ приглашеннаго московскимъ прокуроромъ изъ воронежскихъ стряпчихъ М. Ѳ. Громницкаго, дѣятельность котораго неразрывно связана съ исторіею образованія и развитія русскаго судебнаго краснорѣчія.

Довольно равнодушный къ тому, что̀ онъ называлъ на своемъ образномъ языкѣ „законодательнымъ зудомъ“, и вслѣдствіе того неохотно относившійся къ возбужденію разнаго рода вопросовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чутко прислушивался ко всему, что̀ могло бы поколебать довѣріе или уваженіе къ молодымъ судебнымъ учрежденіямъ. Онъ охранялъ ихъ зорко и любовно, журилъ сослуживцевъ, прямодушно выговаривалъ товарищамъ по воспитанію, если они упускали изъ виду „ne quid detrimentum fori capiat“, и быстро являлся на помощь со словомъ разумнаго примиренія и дѣлового юмора. Спокойный — онъ былъ, пока не окрѣпли новыя учрежденіи, „toujours en vedette“; добрый и невзыскательный — онъ непреклонно высадилъ на берегъ частной жизни двухъ, трехъ изъ своего прокурорскаго экипажа, которымъ вино новой власти слишкомъ сильно бросилось въ голову. Голова и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу.

Наконецъ наступила для Ровинскаго пора сознанія, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько физическихъ и духовныхъ силъ, взошли благополучно. Наступило и право почувствовать, наконецъ, утомленіе и обратиться къ другимъ,

менѣе тревожнымъ занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще годъ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, — занявъ съ 1-го марта 1868 года должность предсѣдателя уголовнаго департамента московской судебной палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьею „по существу". Дѣятельность этого рода, особливо по обвинительной камерѣ, не видна и не замѣтна для публики. Апелляціонныя дѣла, подсудныя въ то время судебнымъ палатамъ, по свойству своему, тоже не могли останавливать на себѣ общественное вниманіе; но трудъ, выполняемый въ этихъ по большей части непубличныхъ засѣданіяхъ, былъ большой и нравственно-отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и привлеченіе на скамью подсудимыхъ бываетъ въ нравственномъ отношеніи равносильно осужденію, да и наконецъ душевныя волненія, стыдъ и опасенія, сопряженныя съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не проходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и болѣзненныя борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ здоровьѣ, иногда, помимо всего остальнаго, подтачиваемомъ предварительнымъ, до суда, лишеніемъ свободы. Будущій авторъ „Русскихъ народныхъ картинокъ" отлично сознавалъ все это, и его руководящая дѣятельность по обвинительной камерѣ, его строгое, а подъ-часъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпѣвшими, служили здоровымъ противувѣсомъ тому, что̀ Гёте въ „Фаустѣ" называетъ „die richtende gefühllose Menschheit".

2-го іюля 1870 года Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Въ этомъ званіи онъ пробылъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подъ-часъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ „существа дѣла" кассаціонной работы, требующей и отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучной механической работы. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вѣроятно, не безъ сожалѣнія отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и истолкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, чтобы приняться за изслѣдованіе — какіе формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о мѣщанинѣ

М., обругавшемъ крестьянку Н. или правильно ли примѣненъ карателный законъ къ нарушенію статей какого-нибудь спеціальнаго — акцизнаго или таможеннаго устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ „широкихъ горизонтовъ“ и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью, и онъ выполнялъ его свято. Онъ высоко ставилъ значеніе сената въ правовой жизни народа. Созданный мощною рукою Петра Великаго, сенатъ быстро пріобрѣлъ высокое значеніе въ народномъ представленіи, являясь въ глазахъ народа хотя и отдаленнымъ, но за то недоступнымъ мѣстнымъ дрязгамъ, вліяніямъ и давленіямъ учрежденіемъ. „Правительствующему сенату“, говоритъ законъ (т. I, ч. II, ст. 2), — „принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія. Поэтому онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, надзираетъ за собираніемъ податей и расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ“. Исторія сената показываетъ, что онъ не разъ выполнялъ эту свою задачу и коллегіально, и въ лицѣ своихъ членовъ, производившихъ сенаторскія ревизіи, всегда оставлявшія сильное и благотворное впечатлѣніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ, вслѣдствіе частныхъ злоупотребленій или общихъ безпорядковъ въ управленіи, „алкало и жаждало правды“. Поэтому „дойти до сената“ часто представлялось панацеею отъ всѣхъ золъ; поэтому народъ слагалъ иногда совершенно неправдоподобныя легенды о характерѣ дѣятельности „сенаторовъ“ и твердо вѣрилъ въ то, что законъ называетъ „безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ сената правосудіемъ“. Какъ бы кропотлива и мелка въ отдѣльности ни была кассаціонная работа сенаторовъ, въ общемъ ею поддерживается, въ сферѣ судебной, историческая связь сената съ населеніемъ, въ которомъ каждый знаетъ, что въ своихъ личныхъ обидахъ и убыткахъ онъ, не довольствуясь мѣстнымъ судомъ, можетъ, въ концѣ концовъ, обратиться въ высшее, далекое судилище, въ безпристрастіи котораго нельзя — именно въ виду этого отдаленія и высоты его — сомнѣваться...

Трудъ, который несъ Ровинскій въ сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, что имъ *лично* разсмотрѣно, доложено и изло-

жено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ, мотивированныхъ резолюцій, всего 7.825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассаціонная работа, и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассаціонный поводъ, пойметъ, *что* значитъ эта почтенная цифра, особливо если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человѣкъ съ надорванными силами, достигшій семидесяти лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оставался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человѣколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ написанныя, носили шутливое названіе „коротышекъ", но въ направленіи, которое давалось этими „коротышками" дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человѣка, на сколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассаціоннаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соотвѣтствіи этихъ указаній тому или другому нумеру рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента. Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Это часто тревожило и смущало его „кассаціонную безучастность" и заставляло его вспоминать, что „qui n'est que juste est cruel"... „Плохой кассаторъ", говорили про него жрецы отвлеченнаго правосудія, — „все смотритъ въ существо"... „Ровинскій!" многозначительно отвѣчали знавшіе его близко — и въ этомъ имени заключалось и оправданіе, и объясненіе взглядовъ „плохого кассатора". Было бы однако ошибочно думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п., такъ что подъ вліяніемъ увлеченія чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость къ пострадавшему, при чемъ у послѣдняго къ нравствен-

ному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще и обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за это никакого судебнаго порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злому и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія. Корыстныя и обдуманно злыя, кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣла о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта, ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или соблазномъ для другихъ, Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассаціонные поводы, чтобы подвинуть его на отмѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Такъ, въ написанныхъ имъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, вопросъ о злостной несостоятельности и о пособничествѣ къ ней, одномъ изъ вреднѣйшихъ явленій нашего торговаго быта, разработанъ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ, „дабы на то глядючи и другимъ впредь то неповадно было дѣлать“.

Наконецъ, онъ былъ всегдашнимъ противникомъ всего неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись, не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, какую именно статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка отъ напрасныхъ недоумѣній и „волокиты“ слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ опозореніи въ печати, твердо и рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ сенатъ признать, что употребленіе словъ „говорятъ, что“... предшествующихъ иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что̀, будто бы, „говорятъ“.

Добрый товарищъ, всегда готовый на услугу сотрудникъ, Ровинскій высказывалъ свои мнѣнія твердо и опредѣленно, не любя

отступать отъ нихъ, оттѣняя ихъ житейскую сторону, но никогда ихъ не навязывая и не выступая на защиту ихъ въ горячіе и упорные споры. Онъ раздѣлялъ взглядъ, что мнѣнія похожи на гвозди: чѣмъ болѣе по нимъ колотить, тѣмъ глубже они входятъ. Поэтому не громкой защитой правильности своего мнѣнія, а искренностью и безусловною независимостью, съ которою оно высказывалось, дѣйствовалъ онъ на слушателей и товарищей. И когда его безупречное, долгое служеніе въ сенатѣ внезапно прервалось, эти товарищи почувствовали себя осиротѣвшими, и къ скорби объ утратѣ у нихъ присоединилось сознаніе о ея незамѣнимости, объ оставленной ею нравственной пустотѣ.

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго всегда и всюду выдвинула бы его изъ среды людей „общеутвержденнаго“ образца и создала бы ему особое, своеобразное и замѣтное мѣсто. Его оригинальная личность не могла не оставлять своего слѣда на всемъ, къ чему она ни прикасалась. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Ихъ нельзя было бы не замѣтить. Но быть можетъ, живыя проявленія этой натуры выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, если бы судьба не заставила Ровинскаго провести всю молодость и зрѣлые годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей современной практической окраски, въ которой такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ и народный бытъ со всѣми своими особенностями охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами; арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не формальномъ только общеніи, представилъ предъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложив-

шимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разностороннія занятія стряпчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ схемъ и указокъ. Много лѣтъ подъ рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ всей центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и беззаботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще била ключомъ настоящая, безъ всякой „городской“ примѣси, и не развращенная фабрикою народная жизнь. Каждое такое путешествіе обогащало его свѣдѣніями и пополняло его собранія, и онъ могъ, подобно нѣмецкому писателю-этнографу Рилю, съ полнымъ правомъ сказать: „Ich habe meine Bücher erwandert“, я „выходилъ“ мои книги. Сохранилось много разсказовъ о тѣхъ странныхъ, а иногда и комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ оказывался извѣстный далеко за предѣлами Москвы губернскій прокуроръ, заподозрѣнный по поводу своихъ хожденій и разспросовъ мѣстными властями или вынужденный прибѣгать къ заимообразной помощи у недоумѣвающихъ губернскихъ властей. Онъ самъ впослѣдствіи съ любовью вспоминалъ эти странствія и воскресныя путешествія съ Сѣтуни въ Бутырки, гдѣ помѣщался тюремный замокъ, говоря шутливо: „Я въ свое время занимался *хожденіемъ въ народъ*“.

Благодаря этому хожденію, онъ проницательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понялъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его юморъ, его удаль, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и изнѣженности свѣтской жизни и „опростился“ въ собственномъ образѣ жизни. Простая, скудная и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища стали обычною принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что-нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика; только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую тележку. Простота и веселая непринужден-

ность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой завѣтъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году: „Будьте прежде всего *людьми*, а потомъ уже *чиновниками*“ онъ осуществлялъ вполнѣ наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но даже тревожили его своимъ вліяніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе къ тѣмъ двадцати-пяти членамъ коммиссіи, которые, при начертаніи судебныхъ уставовъ, полагали уничтожить личныя представленія къ наградамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи наградъ, судебнаго персонала, что „если люди слишкомъ честолюбивые, гоняющіеся за знаками отличія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть“.

Служебный карьеризмъ, стремленіе выслужиться и дѣловое верхоглядство были ему всегда до крайности непріятны и встрѣчали въ немъ не только строгое, но иногда и ядовитое осужденіе. Живой, подвижный, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ быстръ и своеобразенъ во всей своей повадкѣ. Когда я былъ назначенъ—по выбору товарищей, согласно съ заведеннымъ Ровинскимъ обычаемъ, о которомъ онъ писалъ еще въ запискѣ „О судебной службѣ“,—секретаремъ при прокурорѣ московской судебной палаты и пришелъ представляться новому начальству, этотъ послѣдній былъ въ засѣданіи. Пришлось ждать его прихода. Вдругъ дверь въ канцелярію отворилась и не вошелъ, а вбѣжалъ человѣкъ, совершенно не похожій на петербургскихъ судебныхъ сановниковъ ни по костюму, ни по манерамъ. Коренастый, съ огромною лысиною, обрамленною длинными рыжеватыми кудрями, безъ усовъ, съ пробритою на подбородкѣ окладистою бородою, съ умными, улыбающимися глазами подъ густыми бровями, Ровинскій былъ одѣтъ въ старый, толстаго сукна, поношенный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ обносившіяся снизу брюки надъ простыми, очевидно, „готовыми“ сапогами; изъ-за воротника сюртука виднѣлся отложной, мягкій воротъ рубашки, завязанный какою-то черною тесемкою. Выслушавъ офиціальную формулу представленія, онъ ласково протянулъ руку и мягко сказалъ: „*Меня* зовутъ Дмитрій Александровичъ; а вотъ пойдемте-ка въ кабинетъ да потолкуемъ“. Въ кабинетѣ, вытащивъ не изъ кармана истертаго и короткаго атласнаго жилета, а изъ кар-

мана брюкъ серебряную луковицу и посмотрѣвъ, который часъ, онъ усѣлся съ ногами, по турецки (его любимая поза), въ кресло и, сказавъ: „Ну, батюшка, кто вы? да что вы? разсказывайте-ка!“ началъ одну изъ тѣхъ непринужденныхъ и откровенныхъ бесѣдъ, которыя чрезъ тридцать лѣтъ заставляютъ вспоминать о службѣ съ нимъ какъ о свѣтломъ и дорогомъ времени. Въ свой служебный кабинетъ, обставленный до крайности просто, безъ обычной канцелярской роскоши, приходилъ или, вѣрнѣе, прибѣгалъ онъ не регулярно, а по мѣрѣ надобности. „Ну-ка! давайте-ка господа, что у васъ есть“, говорилъ онъ еще на ходу и, усѣвшись въ свою любимую позу, немедленно приступалъ къ слушанію докладовъ, дѣлая на словахъ краткія, рѣшительныя и всегда „смотрѣвшія въ корень“ резолюціи. Врагъ пустой переписки и всякаго формализма, онъ многія бумаги оставлялъ вовсе безъ отвѣта, кладя ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, подъ зеленое сукно своего стола и говоря: „Пусть полежитъ! Пусть они тамъ своимъ умомъ дойдутъ, что̀ надо дѣлать; нечего ублажать этихъ „приказныхъ“, имъ надо самимъ думать и учиться, а не ждать указки сверху“. Иногда, если бумага настоятельно взывала объ отвѣтѣ, онъ на поляхъ ея писалъ резолюцію въ два-три слова и посылалъ ее въ такомъ видѣ обратно. Не одна нелюбовь къ безплодной канцелярщинѣ руководила имъ при этомъ. Онъ боялся, чтобы въ новое, живое дѣло не закрались на первыхъ же порахъ порядки ненавистнаго ему приказнаго строя, чтобы не ослабѣла необходимая самодѣятельность органовъ преобразованной прокуратуры. Притомъ, опытъ жизни научилъ его, что обиліе такъ-называемыхъ „вопросовъ“ обыкновенно обусловливается лѣнью ума и стремленіемъ ничего не принимать на свою сознательную отвѣтственность со стороны возбуждающихъ эти вопросы. Поэтому, когда кто-либо изъ мѣстныхъ дѣятелей возбуждалъ, въ обширномъ и красиво переписанномъ представленіи, какой-либо „важный и настоятельный“ вопросъ, въ сущности разрѣшаемый судебными уставами, въ которые лишь надлежало внимательно вдуматься, Ровинскій умышленно не отвѣчалъ на такое представленіе или не давалъ ему хода, нисколько не смущаясь тревогою и нетерпѣніемъ писавшаго и напоминаніями своихъ секретарей, твердо увѣренный, подобно Матвѣю въ „Аннѣ Карениной“, что все „образуется“. И дѣйствительно, смотришь, все *образовалось, и притомъ не бюрократическимъ путемъ, а жизненнымъ.*

Въ направленіи имъ дѣлъ, въ замѣчаніяхъ на обвинительные акты, во взглядахъ на взаимныя отношенія различныхъ судебныхъ органовъ между собою сказывалось у него глубокое знаніе и людей вообще, и истинныхъ общественныхъ потребностей, а также необыкновенная быстрота соображенія, всегда направленнаго на отысканіе живой, а не формальной только правды. Его трезвый, слегка скептическій умъ нельзя было отуманить ни громкими словами, ни трагическими картинами, ни напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго мелочного самолюбія. Онъ быстро шелъ къ правдѣ, нерѣдко скрытой подъ обманчивою скорлупой, и добирался до ядра, при чемъ все хитро задуманное представлялось иногда въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Здоровые нервы его были однако очень подвижны и воспріимчивы. Это выражалось даже въ томъ, какъ онъ слушалъ доклады или читалъ дѣла, обреченный хоть на время на нѣкоторое бездѣйствіе. Онъ не могъ сидѣть и слушать или читать спокойно, а двигался въ своемъ креслѣ, постоянно мѣняя позу, ерошилъ себѣ волосы, теребилъ бороду, безсознательно бормоталъ отрывки изъ стиховъ или курныкалъ какой-нибудь мотивъ, при чемъ пальцы его нервно двигались иногда, мимически подбирая какіе-то аккорды, а глаза — если это былъ докладъ — мягко и разсѣянно блуждали по комнатѣ. Но вотъ докладъ, сдѣланный съ точностью и обстоятельностью, которыхъ онъ безусловно требовалъ, оконченъ, или дѣло имъ просмотрѣно, и лицо его принимаетъ сосредоточенное выраженіе, глаза смотрятъ пристально и серьезно, и вдумчивый выводъ, въ которомъ ничего не опущено и не забыто, смѣняетъ внѣшніе признаки нервной разсѣянности.

Всѣмъ интересующійся, меломанъ и театралъ, умѣвшій сосредоточенно наслаждаться искусствомъ, вѣчно занятый пополненіемъ своихъ собраній, Ровинскій оставлялъ однако все это, если служебный долгъ требовалъ отъ него особаго напряженія въ одномъ направленіи. Тогда онъ спозаранку являлся къ себѣ въ прокурорскій кабинетъ, запирался въ немъ и лишь на минутку прерывалъ свою всегда быструю и содержательную работу, чтобы съѣсть принесенный имъ съ собою, завернутый въ бумагѣ, простой завтракъ или послать сторожа въ знаменитый, — увы! — исчезнувшій нынѣ Сундучный рядъ за закуской или пирожками. Съ усталымъ лицомъ, но бодрый и веселый, выходилъ онъ, окончивъ свою задачу, въ канцелярію, и любилъ

отдохнуть, усѣвшись на столъ и мѣрно качая ногою, въ болтовнѣ со своими молодыми сослуживцами „de rebus gestis et aliis“, пересыпая свои разсказы и разспросы острыми словцами, мѣткими сравненіями и цѣлыми эпизодами комическаго свойства изъ пережитаго. „Ну, довольно“, прерывалъ онъ наконецъ свою бесѣду,—„прощайте, господа; посмотрите-ка, что̀ я тамъ въ кабинетѣ на листочкахъ „наваракcалъ“, да приведите это въ порядокъ,—кажется, выйдетъ ладно“.

Въ служебной работѣ, да вѣроятно, и во всякой другой, у него не было систематической равномѣрности и усидчивости нашихъ западныхъ сосѣдей. Иногда на него находило утомленіе, такъ сказать, пресыщеніе однообразною работою. Его начинало тянуть въ деревенское уединеніе, поближе къ природѣ, которую онъ любилъ и умѣлъ чувствовать. Тогда онъ удалялся въ старый Сѣтунскій станъ, близъ Москвы, на берегъ рѣчки Сѣтуни, въ свой маленькій „хуторъ“, хранившій для него освѣжающія и успокаивающія впечатлѣнія. Тамъ, запершись отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, отдыхалъ онъ за своими, дорогими ему, гравюрами, слушалъ любимый имъ далекій звонъ московскихъ колоколовъ, сажалъ цвѣты или изготовлялъ фейерверки. И въ садоводствѣ, и въ пиротехникѣ онъ былъ опытный знатокъ. Такой отдыхъ продолжался недѣлю, десять дней. Если необходимость разрѣшенія и подписи неотложныхъ бумагъ заставляла нарушить его уединеніе, то это приходилось дѣлать съ большимъ сожалѣніемъ. „Подписалъ?“ спрашивали въ канцеляріи у возвратившагося съ Сѣтуни курьера, носившаго историческую фамилію Пугачева. „Подписали, да только бранятся“. „А что̀ онъ дѣлаетъ?“ · „Да до обѣда цвѣты сажали, а послѣ обѣда ракеты набивали... очень были все время заняты“. Но отдыхъ быстро проходилъ, освѣженныя и обновленныя силы возвращались съ прежнею и даже большею энергіею, и работа снова закипала.

Съ переходомъ въ сенатъ тревожныя впечатлѣнія отвѣтственной службы прошли для Ровинскаго, и временный отдыхъ на Сѣтуни оказалось возможнымъ замѣнить долговременными и дальними путешествіями. Обыкновенно уже съ Пасхи начиналъ онъ готовиться къ большому странствію и при первой возможности уѣзжалъ на поиски новаго матеріала для своихъ собраній и новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній для своего пытливаго, вѣчно молодого ума. Съ 1870 года онъ объѣздилъ всю Европу, до отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ея

уголковъ, побывалъ въ Египтѣ, Марокко и Алжирѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, былъ въ Индіи, на Цейлонѣ и Явѣ, въ Китаѣ и Японіи. Послѣднее отдаленное его путешествіе, уже въ преклонномъ возрастѣ, совершено имъ въ Туркестанъ, Хиву и Бухару. Его „Народныя картинки“ содержатъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ личныхъ замѣчаній, сравненій и указаній, вынесенныхъ отовсюду, гдѣ онъ побывалъ. Сопряженный съ сенаторствомъ переѣздъ въ Петербургъ не измѣнилъ привычекъ стараго москвича. На вопросъ: какимъ образомъ освоится онъ съ холоднымъ, туманнымъ и прямолинейнымъ Петербургомъ послѣ своихъ любимыхъ московскихъ урочищъ и переулковъ? — онъ отвѣчалъ: „Да я и здѣсь себѣ Москву устрою“. И дѣйствительно, поскитавшись по квартирамъ казармоподобныхъ домовъ Петровскаго „парадиза“, онъ устроился на Васильевскомъ островѣ въ собственномъ домикѣ-особнякѣ, въ которомъ и прожилъ до самой своей кончины.

Невидимый и недоступный для случайныхъ или офиціальныхъ посѣтителей, но радушный и привѣтливый хозяинъ для тѣхъ, кого онъ любилъ и кого приводилъ къ нему дѣйствительный интересъ къ его личности или трудамъ, Ровинскій оставался и „у Василія на Островѣ“ тѣмъ же простымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ привыкли знать его сослуживцы, какимъ всегда знала его Москва. Постоянно работая, отдавая свой трудъ и время на службу правосудію и искусству, онъ никогда не выдвигался впередъ и менѣе всего помышлялъ о своемъ санѣ и заслугахъ. Онъ скромно умалчивалъ о царственномъ вниманіи къ его работамъ по исторіи искусства, неоднократно и непосредственно, въ личной бесѣдѣ, проявленномъ императоромъ Александромъ III, и никогда не хотѣлъ играть никакой офиціальной роли, скромно и безшумно исполняя свой служебный долгъ, но всегда и во всемъ упорно охраняя самостоятельность своей нравственной личности. Онъ осуществлялъ своимъ житейскимъ поведеніемъ глубокія слова Флобера (письма 1877 года): „Quand on est *quelqu'un* — pourquoi vouloir être *quelque chose*?“ Такъ достигъ онъ почтенной старости. Несмотря на этотъ возрастъ, сопряженный для многихъ съ развитіемъ суетнаго, почти ребяческаго тщеславія и съ нравственнымъ „склерозомъ“ чувства и движеній сердца, онъ могъ спокойно выдержать опытъ, предлагаемый Гейне, говорившимъ, что „человѣкъ, въ разгарѣ дѣятельности, подобенъ солнцу: чтобъ имѣть о немъ понятіе, надо видѣть его при восходѣ или при закатѣ“.

Но его стало тяготить пребываніе въ обществѣ, и онъ сокращалъ его до самой крайней возможности, сидя по цѣлымъ недѣлямъ дома. Узкая практичность многихъ изъ современныхъ, претендующихъ на развитіе и образованность людей, отсутствіе твердыхъ убѣжденій и рисовка бездушными взглядами, искусственно воспринятыми ради житейскихъ удобствъ, и наконецъ, такъ часто наблюдаемое исчезновеніе нравственныхъ идеаловъ въ туманной мглѣ современности пугали и огорчали старика, оскорбляя его лучшія упованія. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себя. „Да! все сижу дома“, сказалъ онъ зимою 1895 года своему старому сослуживцу по губернской прокуратурѣ, — „да и что̀ ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хоть въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*“.

Напротивъ, сердце его лежало къ старымъ, пережитымъ годамъ. Оно на нихъ отдыхало. „Il faut“, говоритъ Гонкуръ, — „que le passé nous revienne au coeur, — le passé, qui ne revient que dant l'esprit est un passé mort“. Для Ровинскаго это прошлое не было мертвымъ, и въ своихъ разсказахъ онъ возвращался съ любовью къ эпохѣ честной служебной борьбы и творческой работы, оживляясь и какъ бы молодѣя при этомъ. Когда я попытался, въ 1892 году, оживить предъ слушателями публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ забытую личность доктора Ѳ. П. Гааза, Ровинскій сказалъ мнѣ при первой затѣмъ встрѣчѣ: „А знаете, батюшка, какъ вы меня на старости лѣтъ растревожили съ Ѳедоромъ Петровичемъ? Прочелъ я отчетъ о лекціи въ газетѣ, и такъ живо вспомнилось мнѣ прошлое и всѣ эти люди, какъ живые... такая грусть взяла за душу, что я, сидя одинъ, даже заплакалъ“. Такъ же тепло вспоминалъ онъ время подготовки судебной реформы и первыхъ лѣтъ ея осуществленія. Когда одинъ изъ его сослуживцевъ этой эпохи затруднялся принять отъ него въ подарокъ драгоцѣнное изданіе фототипій съ офортовъ Рембрандта и просилъ замѣнить его „Перовымъ“, Ровинскій писалъ ему, 24-го декабря 1894 года: „Перова“ я подарю вамъ съ большимъ удовольствіемъ, но и „Рембрандта“ назадъ не возьму. Отказомъ вашимъ вы меня просто обидите: кому же, какъ не вамъ, дорогому и *не измѣнившемуся* товарищу изъ давнихъ и *самыхъ свѣтлыхъ лѣтъ* нашей жизни подарить мнѣ такую вещь, тѣмъ болѣе, что вы оцѣните, сколько кропотливаго труда положено на нее“.

Въ этихъ краткихъ словахъ — характеристика отношенія Ровинскаго къ настоящему и къ своему прошлому. Но, страдая физически и оглядываясь съ грустью назадъ, онъ не терялъ энергіи и никогда не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей. Его привлекательная, невольно останавливавшая на себѣ вниманіе фигура появлялась во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему надлежало по службѣ присутствовать, и онъ продолжалъ вносить въ обсужденіе дѣлъ всю силу своего богатаго опытомъ и знаніемъ жизни ума. Ядовитое слово Бисмарка: „eine beurlaubte Leiche“, столь вѣрное и нравственно, и физически по отношенію ко многимъ, было совершенно непримѣнимо къ нему. Даже добродушный юморъ не покидалъ его въ минуты свободы отъ болевыхъ ощущеній. Онъ заключилъ только что приведенное письмо милою шуткою въ формѣ кассаціонной резолюціи: „Въ виду всѣхъ этихъ доводовъ и не усматривая въ дѣйствіяхъ моихъ нарушенія 130 и 170 ст. устава уголовнаго судопроизводства, прошу позволить оставить вашъ отзывъ *безъ послѣдствій*, а мнѣ по прежнему называться человѣкомъ сердечно вамъ преданнымъ“....

Между тѣмъ „тотъ берегъ“ приближался. Ровинскій могъ вступить на него безмятежно. Онъ оставлялъ своей родинѣ богатое наслѣдство знанія и труда, знавшимъ его — свѣтлый, привлекательный образъ. Онъ вступилъ на „тотъ берегъ“ 11-го іюня 1895 года, близъ Франкфурта-на-Майнѣ, въ городкѣ Вильдунгенѣ, гдѣ ему сдѣлали операцію камнедробленія. Операція отлично удалась, но, снѣдаемый жаждою дѣятельности, торопясь ѣхать въ Парижъ, чтобы заняться офортами Ванъ-Остада, онъ не поберегся, простудился — и болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Въ біографіи гравера Уткина онъ самъ говоритъ: „Для Уткина трудъ составлялъ первую потребность въ жизни; до послѣднихъ дней не выпускалъ онъ рѣзца изъ старческихъ рукъ своихъ; ровно за недѣлю предъ смертью, поработавъ надъ „Святымъ Семействомъ“, онъ сошелъ внизъ къ ученику своему Лебедеву и, отирая потъ съ лица своего, радостно сказалъ ему: „Какъ хорошо отдохнуть поработавши!“ Эти же самыя слова вполнѣ можно примѣнить и къ нему самому. Пріѣхавъ въ маѣ въ Вильдунгенъ, онъ писалъ П. А. Ефремову незадолго до смерти: „О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ быть, и безъ его инструментовъ еще на годъ обойдусь. *Работа* моя съ Остадомъ идетъ успѣшно;

отсюда въ Парижъ и Лондонъ на *работу*, и пробуду тамъ 18—26 дней".

„Работа, работа и работа!" восклицаетъ въ краткой замѣткѣ о Ровинскомъ П. А. Ефремовъ („Русскія Вѣдомости") — „и это въ 70 лѣтъ! Честный неутомимый труженикъ! Невольно слеза дрожитъ на рѣсницѣ при мысли, что ты теперь успокоился такъ неожиданно и для дѣла, и для себя, и для всѣхъ, знавшихъ и любившихъ тебя за твою добрую душу и отзывчивое сердце!"

Гробъ съ прахомъ усопшаго былъ отправленъ въ Москву для погребенія на погостѣ у Спаса-на-Сѣтуни, но по ироніи судьбы, такъ часто преслѣдующей умершихъ замѣчательныхъ людей русскихъ, его встрѣтилъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ недоразумѣній и формальностей, такъ что посмертное возвращеніе для Ровинскаго на горячо любимую имъ родину совершилось съ великими затрудненіями. А любовь эта выразилась и въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, которое онъ „пополнялъ въ теченіе всей своей жизни, и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями офортовъ этого великаго мастера", онъ просилъ Государя Императора принять для Императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцовскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое русское собраніе портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; Императорской Публичной Библіотекѣ оставилъ собраніе до 50.000 иностранныхъ портретовъ и полный (свой личный) экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; Академіи Художествъ—собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ; Училищу правовѣдѣнія—всю свою научную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40.000 р. для выдачи, попеременно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину, которая затѣмъ должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $1/3$ часть выдаваемой преміи и оставилъ 26.000 р. на устройство и содержаніе первоначальныхъ народныхъ школъ. Наконецъ, свой хуторъ на Сѣтуни онъ завѣщалъ Московскому университету, съ тѣмъ, чтобъ изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго употребленія.

Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человѣкъ, лично себѣ

во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, *какъ жить*, потому что чуткою душою нашелъ и уразумѣлъ—*зачѣмъ жить*... Весь его трудъ и вся его дѣятельность были направлены на развитіе въ русскомъ обществѣ и народѣ правосознанія и историческаго самосознанія, на служеніе искусству увѣковѣченіемъ произведеній великихъ его мастеровъ.

Пускай же почіетъ съ любовію прахъ этого выдающагося человѣка у Спаса-на-Сѣтуни, гдѣ издали привѣтно сіяютъ золотыя главы Москвы, той Москвы, въ которой бьется и переливается, какъ въ сердцѣ страны, коренная жизнь русская, столь любимая и понятая покойнымъ! Хочется думать, что эта жизнь будетъ становиться все свѣтлѣй и шире; хочется, обратясь къ его могилѣ, сказать, въ благодарномъ воспоминаніи: „Ты былъ прежде всего человѣкомъ, ты послужилъ родинѣ всѣми силами души, — ты вѣрилъ горячо въ духовныя силы своего народа, ты умѣлъ даже въ падшемъ различать черты брата... Почивай же съ миромъ, почивай, *братъ нашъ*!“

Д. А. РОВИНСКІЙ — ЛЮБИТЕЛЬ И ЗНАТОКЪ ГРАВИРОВАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

Рѣчь графа **И. И. Толстого.**

Ваши Императорскія Высочества! Милостивые Государи!

Происходящее сегодня здѣсь чествованіе памяти покойнаго Дмитрія Александровича Ровинскаго представляетъ, въ моихъ глазахъ, поучительную картину признанія полезной для родины дѣятельности русскаго человѣка въ области, непосредственно мало утилитарной, но въ дѣйствительности важной своимъ внутреннимъ значеніемъ. Область эта — изслѣдованіе человѣческаго творчества или, точнѣе, *воспроизведенія* этого творчества. Для того, кто вѣритъ, какъ я, что развитіе искусства во всѣхъ его проявленіяхъ означаетъ самовоспитаніе человѣчества, дѣятельность покойнаго по истинѣ должна быть признана и плодотворною, и важною...

Несомнѣнно, наиболѣе капитальными трудами Дмитрія Александровича являются: „Русскія народныя картинки“, „Словарь (иллюстрованный) русскихъ гравированныхъ портретовъ“ и „Гравюры Рембрандта“ и его учениковъ. Одни названія этихъ изданій ясно опредѣляютъ область изслѣдованій Ровинскаго, объясняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ чествованія его здѣсь, подъ кровомъ и въ сонмѣ высшаго въ нашемъ отечествѣ ученаго сословія и мое присутствіе на этомъ собраніи, какъ представителя высшаго въ имперіи художественнаго учрежденія, издавна считавшаго покойнаго въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ.

Дѣйствительно, вся авторская дѣятельность Дмитрія Александровича Ровинскаго сосредоточилась на той почвѣ, гдѣ соприкасаются два великіе фактора духовнаго развитія человѣчества — наука и искусство, будучи посвящена разработкѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи искусства, въ широкомъ смыслѣ этого понятія.

Ни мѣсто, ни время не дозволяютъ мнѣ вдаваться въ подробную характеристику изслѣдованій покойнаго, коснуться же ихъ поверхностно не хотѣлось бы, а потому позвольте мнѣ, въ немногихъ словахъ, очертить его личность, какъ любителя и знатока искусства.

Д. А. Ровинскій рано спеціализовался: одно изъ первыхъ его сочиненій посвящено русскому гравированію на металлѣ и на деревѣ; онъ остался затѣмъ вѣренъ гравюрѣ всю свою жизнь, посвятивъ изслѣдованію этой отрасли искусства безъ малаго сорокъ лѣтъ, при чемъ всего одно сочиненіе изъ довольно длиннаго ряда принадлежащихъ его перу не относится непосредственно къ гравюрѣ въ широкомъ смыслѣ[1]). Дмитрій Александровичъ былъ, прежде всего и главнымъ образомъ, коллекціонеромъ, коллекціонеромъ типичнымъ, увлекающимся и убѣжденнымъ, притомъ же коллекціонеромъ-спеціалистомъ, не собиравшимъ, почти не пріобрѣтавшимъ ничего, не относящагося непосредственно къ излюбленной спеціальности. Можно сказать, что всѣ его природныя страсти воплотились въ одну — собираніе гравюръ, офортовъ, ксилографій, литографій. Для нихъ, для этихъ дорогихъ его сердцу любимцевъ, не было, кажется, жертвы, на которую онъ не былъ бы способенъ: для нихъ отказывалъ онъ себѣ во всемъ, лишая себя часто необходимаго покоя, уютной обстановки, самаго обыкновеннаго комфорта. Чтобы пріобрѣсти за огромныя иногда деньги недостававшую въ его собраніи гравюру или рѣдкій оттискъ ея, онъ употреблялъ на эту покупку чуть не всѣ наличныя средства, какими располагалъ въ данную минуту; для такого пріобрѣтенія не были страшны ни путешествія въ далекія страны, ни непріятности съ торговцами и конкурентами, ни даже физическія страданія и болѣзни.

По истинѣ велики были усилія и старанія, но и результаты получились большіе, единственные въ своемъ родѣ. Предъ всѣми, собрав-

---

1) Сочиненіе это есть «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка» (С.-Пб. 1856 г. 8⁰; см. Записки Имп. Археологическаго Общества, томъ VIII, стр. 1—196).

шимися здѣсь почтить память усопшаго и лично знавшими его, не приходится описывать эти результаты, такъ какъ всѣ несомнѣнно помнятъ эти удивительныя коллекціи, эти груды папокъ, фоліантовъ и отдѣльныхъ листовъ; но я долженъ указать—съ рискомъ повторить сказанное уже и предупредить имѣющее быть сказаннымъ—на благородное и патріотическое употребленіе, сдѣланное Д. А. Ровинскимъ изъ своихъ сокровищъ. Въ противность многимъ собирателямъ, ревниво оберегающимъ свои сокровища отъ посторонняго взгляда, съ узкимъ эгоизмомъ хранящимъ ихъ для себя однихъ, Ровинскій не только былъ всегда радъ услужить своими коллекціями каждому серьезному любителю или знатоку, но еще при жизни, цѣлымъ рядомъ капитальныхъ по содержанію и великолѣпныхъ по формѣ изданій, сдѣлалъ скопленный имъ матеріалъ доступнымъ всѣмъ спеціалистамъ, интересующимся имъ. Послѣ смерти этотъ истинный патріотъ даритъ всѣ свои сокровища, скопленныя трудомъ цѣлой жизни, родинѣ, завѣщавъ свои громадныя и многоцѣнныя собранія различнымъ отечественнымъ музеямъ.

Я боюсь прибавлять что-либо къ сказанному, чтобы не затемнить этой краткой характеристики мелочами и чтобы не повторять того, о чемъ повѣствуютъ сегодня другіе подробнѣе и лучше меня, но не могу обойти молчаніемъ всегдашняго горячаго отношенія покойнаго къ граверному классу Академіи Художествъ. Дмитрій Александровичъ никогда не пропускалъ появленія сколько-нибудь выдающагося ученика по гравюрѣ, стараясь найти ему работы и заказы; съ профессорами гравюры всегда поддерживалъ самыя близкія, можно сказать, дружественныя отношенія, всегда ревностно слѣдя за ходомъ гравернаго дѣла въ Академіи, будучи горячимъ сторонникомъ его развитія, несмотря на возникновеніе и быстрое усовершенствованіе въ послѣднее время съ успѣхомъ конкурирующихъ съ гравюрою механическихъ способовъ воспроизведенія.

Еще въ 1870 году Императорская Академія Художествъ избрала Д. А. Ровинскаго своимъ почетнымъ членомъ, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ признавъ, такимъ образомъ, его большія заслуги передъ любимою имъ отраслью искусства; съ тѣхъ поръ эти заслуги непрестанно, до самой смерти его, увеличивались и увеличивались: понятна поэтому, наша нелицепріятная, искренняя скорбь о смерти дорогого многимъ изъ насъ Дмитрія Александровича, до послѣдней минуты жизни думав-

шаго о новыхъ изданіяхъ, работавшаго надъ ними и почти осуществившаго нѣкоторыя изъ нихъ. Умеръ добрый, честный и энергичный труженикъ, котораго всѣ знавшіе его лично никогда не забудутъ, а не знавшіе всегда будутъ помнить, какъ автора капитальныхъ изданій, посвященныхъ главнымъ образомъ родному искусству, начиная съ характернаго, часто наивнаго, народнаго творчества и кончая произведеніями первоклассныхъ мастеровъ.

Въ заключеніе сказаннаго считаю долгомъ упомянуть, что Императорская Академія Художествъ, давно уже по достоинству оцѣнившая художественно-научные труды Дмитрія Александровича Ровинскаго, нынѣ единогласно постановила изготовить офортный портретъ его, экземпляръ котораго будетъ помѣщенъ въ одной изъ залъ Академіи. Такимъ образомъ, черты покойнаго будутъ увѣковѣчены тою отраслью искусства, которая была ему особенно дорога, и которой онъ былъ обязанъ лучшими минутами своей жизни.

Д. А. РОВИНСКІЙ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Статья академика **А. Ѳ. Бычкова.**

Нѣсколько словъ, которыя я имѣю честь предложить вашему вниманію, представляютъ самый краткій и бѣглый очеркъ того, какъ Императорская Публичная Библіотека содѣйствовала Дмитрію Александровичу Ровинскому въ предпринимавшихся имъ изданіяхъ, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ ученому міру, и чѣмъ онъ платилъ ей за матеріалы, которые черпалъ въ ней для своихъ трудовъ, и которые она съ полною предупредительностью предоставляла въ его пользованіе.

Впервые, сколько я помню, Дмитрій Александровичъ сталъ посѣщать Библіотеку въ началѣ пятидесятыхъ годовъ для изученія гравюръ, помѣщенныхъ въ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ. Онъ занимался ими для пополненія своего труда о русскомъ гравированіи на металлѣ и на деревѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль изо дня въ день онъ являлся въ Библіотеку; тотчасъ по приходѣ садился за описаніе гравюръ и лишь изрѣдка позволялъ себѣ перекидываться со мною, бывшимъ въ то время хранителемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, нѣсколькими словами, касавшимися

впрочемъ исключительно предмета его занятій. У меня сохранилось въ памяти, какое я доставлялъ ему удовольствіе, принося для просмотра какую-либо книгу съ гравюрами, не означенную въ его спискѣ, къ изученію которой онъ тотчасъ и приступалъ.

Съ богатымъ запасомъ данныхъ для своего труда вернулся Ровинскій въ Москву, гдѣ онъ служилъ и гдѣ, по доходившимъ до меня слухамъ, онъ съ особеннымъ усердіемъ занялся обогащеніемъ своихъ коллекцій, что̀ въ то время еще было довольно легко и не соединялось съ большими затратами.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Ровинскій сталъ довольно часто посѣщать Библіотеку. Здѣсь, продолжая прежнія занятія, онъ нашелъ нѣкоторыя дотолѣ ему неизвѣстныя русскія гравюры изъ собранія Кастерина, поступившаго въ Библіотеку, и въ одной указанной ему книжкѣ, содержащей въ себѣ отдѣльные оттиски гравюръ, помѣщенныхъ въ Печерскомъ Патерикѣ, онъ познакомился съ нѣсколькими рѣдчайшими гравюрами и въ числѣ ихъ съ тою, на которой изображенъ преподобный Илія Муромецъ. Эта гравюра, работы монаха Ильи, не вошла въ печатное изданіе Патерика и была, по предположенію Ровинскаго, изготовлена для раздачи богомольцамъ, приходившимъ въ Кіевъ для поклоненія его святынямъ.

Въ Библіотекѣ Ровинскій, съ одной стороны, всегда встрѣчалъ радушное отношеніе къ его занятіямъ служащихъ въ ней лицъ, помогавшихъ ему своими свѣдѣніями и указаніями, а съ другой — находилъ для задуманныхъ имъ изданій богатыя пособія, которыя, съ разрѣшенія начальства, даже отпускались ему на домъ.

Съ этого же времени начались его приношенія Библіотекѣ. Между первыми его приношеніями были портреты Петра Великаго. Хотя Ровинскій самъ собиралъ портреты этого государя, но для пополненія нашей единственной въ мірѣ по богатству коллекціи портретовъ державнаго Преобразователя Россіи онъ рѣшился пожертвовать изъ своего собранія нѣсколько листовъ, между ними три необыкновенно рѣдкихъ. Я съ цѣлью употребилъ здѣсь слово „пожертвовать“, такъ какъ извѣстно, что каждому собирателю уступить что-либо изъ имъ собраннаго, если только это не дублетный экземпляръ, составляетъ настоящую жертву. Подаренныя Дмитріемъ Александровичемъ гравюры были слѣдующія: первая, конца XVII вѣка — раскрашенный портретъ Петра I въ русской одеждѣ съ над-

писью Magnus Dux Moscoviae. Zu finden bey David Funk; вторая гравюра Жоллена, французскаго гравера конца XVII вѣка, изображающая царей Іоанна и Петра въ отроческомъ возрастѣ, въ русской одеждѣ; наконецъ третья—гравированный черною манерой портретъ пастора Христофора Кларка, 1740 года, съ бюстомъ Петра Великаго въ фонѣ.

Въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ Ровинскій былъ ревностнымъ сотрудникомъ Библіотеки по пополненію находящагося въ ней собранія портретовъ Петра Великаго. Къ нему, какъ извѣстному собирателю, продавцы гравюръ присылали свои каталоги, немедленно по ихъ отпечатаніи, а онъ, имѣя въ своихъ рукахъ второй экземпляръ составленнаго библіотекаремъ В. В. Стасовымъ каталога находящихся въ Библіотекѣ портретовъ Петра I, со своими отмѣтками присылалъ эти каталоги въ Библіотеку и такимъ образомъ оказывалъ большое содѣйствіе къ покупкѣ недостававшихъ въ ней портретовъ. Каждый разъ при посѣщеніи Библіотеки онъ спрашивалъ: „нѣтъ ли у васъ новыхъ пріобрѣтеній?“ и при положительномъ отвѣтѣ необыкновенно тому радовался. Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, когда узналъ, что три наирѣдчайшіе портрета Петра Великаго изъ коллекціи И. И. Куриса, поставленные на аукціонъ въ Берлинѣ и съ него снятые, о пріобрѣтеніи которыхъ Библіотека дѣлала напрасныя попытки, были поднесены ихъ владѣльцемъ въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру III и имъ пожалованы отечественному книгохранилищу.

Съ такою же ревностью онъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи для Библіотеки всего, что̀ могло пополнить отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи. Бывшій директоръ Библіотеки графъ М. А. Корфъ въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу увидѣлъ въ Висбаденскомъ музеѣ гравюру, изображающую посольство князя Сугорскаго отъ царя Іоанна Васильевича Грознаго къ Германскому императору Максимиліану II на Регенсбургскій сеймъ въ 1576 году. Какъ графъ ни старался о перемѣщеніи этой гравюры въ Петербургъ, это ему не удалось, и онъ ограничился полученіемъ фотографическаго съ нея снимка. Что̀ не могъ сдѣлать графъ Корфъ, то успѣлъ исполнить Ровинскій. Послѣ многихъ хлопотъ, неоднократно повторенныхъ во время заграничныхъ поѣздокъ, онъ наконецъ убѣдилъ начальство музея уступить ему гравюру въ обмѣнъ на свои изданія и затѣмъ

пожертвовалъ этотъ драгоцѣнный unicum Императорской Публичной Библіотекѣ. На этой гравюрѣ, состоящей изъ четырехъ склеенныхъ листовъ, длиною 2 аршина $1^1/_2$ вершка, на трехъ первыхъ изображенъ посолъ князь Сугорскій въ сопровожденіи своего товарища, дьяка Арцыбашева, толмача и многочисленной свиты, въ богатыхъ древнерусскихъ одеждахъ. Подъячій Монастыревъ представленъ на ней несущимъ вѣрющую грамоту, обернутую въ кармазинъ, а дворяне посольства—имѣющими въ рукахъ соболей, подарокъ Русскаго царя Германскому императору. Четвертый, послѣдній листъ гравюры представляетъ богослуженіе, совершаемое состоявшимъ при посольствѣ священникомъ Лаврентіемъ въ присутствіи всего посольства въ одной изъ комнатъ отведеннаго ему дома. Гравюра эта—единственный извѣстный до сихъ поръ экземпляръ — является важнымъ и достовѣрнымъ историческимъ документомъ, и многія одежды изъ этой картины, богато разцвѣченной красками и золотомъ, всегда были воспроизводимы въ лучшихъ сочиненіяхъ о костюмахъ, появлявшихся въ Европѣ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія.

Съ 1881 года Дмитрій Александровичъ приступилъ къ изданію русскихъ народныхъ, такъ называемыхъ лубочныхъ, картинокъ и достовѣрныхъ портретовъ Московскихъ государей Іоанна III, Василія Іоанновича и Іоанна IV и посольствъ ихъ времени.

Опредѣленіе научнаго значенія этихъ изданій не входитъ въ рамку моего очерка, но не могу при этомъ умолчать, что возбужденный ими интересъ въ нашей публикѣ былъ на столько великъ, что почти всѣ изготовленные экземпляры разошлись и составляютъ теперь библіографическую рѣдкость.

Для обоихъ этихъ изданій Ровинскій широко пользовался пособіями въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Изъ богатыхъ собраній лубочныхъ картинъ Даля и Погодина онъ воспроизвелъ многіе единственные экземпляры, а въ печатныхъ сочиненіяхъ XVI и XVII вѣковъ на иностранныхъ языкахъ нашелъ не мало изображеній Русскихъ царей, которыя, съ большею или меньшею вѣроятностью, могутъ быть признаны за достовѣрныя. Въ свое важное во многихъ отношеніяхъ изданіе „Достовѣрные портреты“ Ровинскій включилъ снимокъ въ краскахъ съ гравюры, изображающей посольство князя Сугорскаго и мною только что упомянутой. Оба вышепомянутыя изданія онъ поднесъ Библіотекѣ въ лучшихъ оттискахъ.

Такимъ же достоинствомъ отличается экземпляръ „Подробнаго словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ“, принесенный имъ въ даръ Библіотекѣ. Въ это изданіе онъ помѣстилъ 700 фототипическихъ портретовъ, часть которыхъ воспроизведена по весьма рѣдкимъ и даже единственнымъ экземплярамъ, принадлежавшимъ академику Штелину, котораго собраніе сначала поступило въ древлехранилище Погодина, а затѣмъ въ Библіотеку. Единственное по богатству и сохранности экземпляровъ собраніе русскихъ гравированныхъ портретовъ самого Ровинскаго, въ настоящее время составляющее собственность Московскаго Публичнаго Музея, дало возможность украсить изданіе снимками съ весьма цѣнныхъ портретовъ. Страсть Дмитрія Александровича собирать портреты, не уступавшая его страсти пополнять принадлежавшую ему коллекцію гравюръ Рембрандта, доходила до того, что онъ часто покупалъ за довольно высокую цѣну книги, въ которыхъ находились гравированные русскіе портреты, выдѣлялъ ихъ изъ книгъ, а самыя книги оставлялъ букинистамъ, утверждая, что такимъ образомъ онъ даетъ возможность людямъ, не цѣнящимъ портретовъ, пріобрѣтать сочиненія, иногда важныя, за безцѣнокъ.

Я только что упомянулъ о собраніи гравюръ Рембрандта. Чтобы составить это собраніе, Ровинскій въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ Европу, платилъ за нѣкоторые экземпляры, можно сказать, невѣроятныя цѣны и такимъ образомъ составилъ замѣчательную по полнотѣ коллекцію. Исторія составленія этого собранія представляетъ много любопытнаго и даже изумительнаго. Императорская Публичная Библіотека въ этомъ отношеніи ничѣмъ не могла содѣйствовать Дмитрію Александровичу. Тѣмъ не менѣе, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ свое изслѣдованіе подъ названіемъ: „Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ, 1000 фототипій безъ ретушей“, онъ не только подарилъ Библіотекѣ самый избранный экземпляръ этого изданія, признаннаго необыкновенно важнымъ европейскими знатоками искусствъ, но обогатилъ ея двумя коллекціями. Первую составляетъ единственный въ свѣтѣ экземпляръ фотографій, снятыхъ по его порученію съ оригиналовъ въ разныхъ коллекціяхъ Европы. Ровинскому, какъ знатоку и художественному собирателю, было дозволено снимать эти фотографіи, какъ въ самихъ помѣщеніяхъ, такъ и внѣ ихъ, въ частныхъ

фотографическихъ заведеніяхъ. Вторая коллекція состоитъ изъ фотографій, снятыхъ съ оригиналовъ для изданія. Обѣ эти коллекціи образуютъ собраніе рѣдчайшихъ художественныхъ памятниковъ.

Не стану утомлять васъ перечисленіемъ всѣхъ другихъ приношеній Дмитрія Александровича Ровинскаго Библіотекѣ, являющихся знакомъ его признательности къ отечественному книгохранилищу, въ свою очередь избравшему его своимъ почетнымъ членомъ, но позволю себѣ назвать изъ нихъ три выдающіяся изданія именно: очень рѣдкій атласъ изъ 33 листовъ къ сочиненію подъ заглавіемъ: „Николай Ивановичъ Уткинъ“; два экземпляра „Матеріаловъ для русской иконографіи“, одинъ безъ красокъ, а другой раскрашенный, и три экземпляра изданія, озаглавленнаго: „Корень Русскихъ Государей“ и состоящаго изъ 20 портретовъ. Первый экземпляръ отпечатанъ безъ красокъ, второй раскрашенъ отъ руки, а третій составляютъ оригинальные рисунки отъ руки.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Петербурга за границу Дмитрій Александровичъ посѣтилъ меня; онъ былъ увѣренъ въ счастливомъ исходѣ операціи, послѣ которой предполагалъ совершить поѣздку по Европѣ въ надеждѣ найти что-либо для пополненія своихъ коллекцій, которыя, какъ уже было имъ заявляемо многимъ, онъ назначалъ по своей смерти распредѣлить по общественнымъ учрежденіямъ. Въ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ: „И наша Библіотека получитъ отъ меня кое-что“. Я счелъ неловкимъ спросить его, что̀ именно онъ предполагаетъ передать Библіотекѣ. Съ добрымъ пожеланіемъ ему возвратиться на родину совершенно здоровымъ я распрощался съ нимъ, не подозрѣвая, что вскорѣ придетъ вѣсть объ его кончинѣ, поразившая его друзей и всѣхъ его уважавшихъ.

По истеченіи нѣкотораго времени послѣ кончины Дмитрія Александровича Ровинскаго сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ завѣщалъ Императорской Публичной Библіотекѣ собраніе, заключающее въ себѣ около 50000 гравированныхъ портретовъ разныхъ иностранныхъ мастеровъ. И вотъ этому-то дару въ предсмертномъ своемъ разговорѣ со мною онъ по скромности далъ названіе кое-чего.

Имя Дмитрія Александровича Ровинскаго не умретъ. Оно присоединится къ именамъ графа Румянцова и Черткова, которые, переживая пріятныя минуты при составленіи своихъ коллекцій, принесли ихъ въ даръ общественнымъ учрежденіямъ, подобно многимъ просвѣ-

щеннымъ лицамъ Западной Европы, „на благое просвѣщеніе и общую пользу“, въ полной увѣренности, что объ ихъ дѣятельности съ признательностію вспомянутъ потомки, и что собранныя ими съ любовью и большими затратами сокровища не разрознятся, а бережно сохранятся въ полномъ составѣ и будутъ доступны для пользованія и изученія грядущимъ поколѣніямъ.

РОВИНСКІЙ И РЕМБРАНДТЪ.

Рѣчь академика **К. С. Веселовскаго.**

Послѣ того какъ товарищи молодыхъ лѣтъ Ровинскаго и свидѣтели его доблестнаго служенія отечеству краснорѣчиво вызвали предъ вами живой образъ умершаго, смѣлость продолжать еще здѣсь бесѣду о немъ даютъ мнѣ особыя мои отношенія къ покойному. Я не былъ его однокашникомъ, не засѣдалъ съ нимъ въ судахъ, но за то былъ повѣреннымъ въ его особомъ сердечномъ дѣлѣ, въ его любви, предметомъ которой былъ человѣкъ, жившій за два съ половиною вѣка до насъ и носившій имя Рембрандта. Онъ любилъ въ немъ столько же художника, сколько и человѣка. Художникъ, въ какихъ бы образахъ ни проявлялъ свое творчество, всегда изображаетъ только самого себя, свой душевный міръ, свои идеалы и ощущенія,—изображаетъ самого себя даже и тогда, когда въ твореніи его нѣтъ никакого содержанія; эта истина всего явственнѣе оправдывается на Рембрандтѣ.

Какъ мастеръ, въ твореніяхъ котораго всегда лежитъ глубокая мысль, живое чувство, онъ является діаметральною противоположностью великаго Рубенса. Рубенсъ, весь созданный изъ жизнерадости, самъ красавецъ и поклонникъ тѣлесной красоты, посвятившій свою дивную кисть на прославленіе здоровыхъ мускуловъ и красивыхъ позъ, высказывающійся весь во внѣшности, довольствуется тѣмъ, что плѣняетъ взоры. Рембрандтъ, сосредоточенный въ самомъ себѣ, мыслитель, аскетъ и пуританинъ, привязываетъ къ себѣ глубиною мысли, прони-

кающей всѣ его творенія, свѣтящейся въ глазахъ изображаемыхъ имъ личностей, которыхъ художникъ одушевляетъ тѣми же идеями, какими самъ онъ проникнутъ. Черты собственной душевной жизни, отпечатанныя Рембрандтомъ на произведеніяхъ его кисти, а еще болѣе несравненной его гравировальной иглы, находили себѣ откликъ въ простой, чистой душѣ Ровинскаго; они служили какъ бы фонографомъ, открывшимъ ему непосредственно весь духовный міръ художника, и онъ полюбилъ его, какъ въ состояніи любить только человѣкъ, сохранившій среди всѣхъ треволненій жизни сердце юношески доброе, чуткое ко всему свѣтлому и правдивому. Но любовь эта не была платоническою; она вся превратилась въ дѣло; не будучи въ состояніи окружить себя картинами великаго мастера, которыя уже успѣли размѣститься, въ неотчуждаемое владѣніе, по большимъ музеямъ, Ровинскій сталъ страстно собирать нынѣ уже нелегко находимые офорты Рембрандта, въ которыхъ выражается, можетъ быть, еще непосредственнѣе и ярче мысль художника. Правда, Ровинскій собиралъ произведенія и многихъ другихъ отраслей графическихъ искусствъ, и собиралъ постоянно и усердно, но только какъ бы по долгу добросовѣстнаго колекціонера,—всѣ же симпатіи его лежали на сторонѣ гравюръ Рембрандта. Нужно было видѣть, съ какимъ неутомимымъ терпѣніемъ, съ какимъ жаромъ разыскивалъ онъ всякіе случаи добыть какой-нибудь рѣдкій или только не имѣвшійся у него листъ; нужно было видѣть, какъ онъ отъ всей души радовался, когда ему удавалось обогатить свое собраніе давно желаемымъ первоклассным оттискомъ гравюры. Всегда расчетливый, Ровинскій при составленіи другихъ своихъ колекцій не любилъ переплачивать лишнее и почти никогда не отступалъ отъ правилъ благоразумія и расчета. Но для гравюръ Рембрандта всегда былъ открытъ неограниченный кредитъ въ его кошелькѣ. Тутъ ужъ деньги не считались,—лишь бы пріобрѣсть желанное. Иногда за листочекъ величиной не болѣе ладони руки платилось по тысячѣ и болѣе рублей, и въ этихъ случаяхъ Ровинскій самъ говаривалъ, что за подобныя покупки слѣдовало бы сажать въ сумасшедшій домъ: ясный признакъ страсти—дѣлать то, чего не одобряетъ свой собственный разумъ. И какъ же терзался Ровинскій, если случалось (это было не часто), что какой-нибудь рѣдкій листъ выскользалъ изъ его рукъ по его собственной винѣ! Такъ было здѣсь при продажѣ небольшой, но отборной колекціи разнаго рода гравюръ князя Лобанова-Ростовскаго,

въ которой между прочимъ былъ экземпляръ первоклассной красоты, оттиснутый на японской бумагѣ, Рембрандтова шедевра, прославившагося подъ наименованіемъ Pièce de cent florins—Христосъ, изцѣляющій больныхъ. Ровинскій далъ бы, конечно, всю просимую за все собраніе сумму, но желая поторговаться, въ видѣ лишь перваго приступа къ торгу предложилъ за него нѣсколько меньшую сумму; но въ то же самое время нашлись догадливые люди, которые не торгуясь дали просимую цѣну и послали колекцію въ Берлинъ, гдѣ она и была продана съ аукціона съ большимъ барышемъ. Этого Ровинскій не могъ простить себѣ во всю свою жизнь и признавался мнѣ, что отъ огорченія объ ускользнувшей отъ него покупки онъ не могъ спать нѣсколько ночей. За то этотъ урокъ онъ припомнилъ года два спустя, когда наслѣдниками Томилина продавалось оставшееся послѣ него собраніе гравюръ Рембрандта. По первому извѣстію объ этой продажѣ онъ, съ пачкою денегъ въ карманѣ, поспѣшилъ къ обладательницѣ собранія и, узнавъ отъ нея о цѣнѣ, тотчасъ же не торгуясь хотѣлъ вручить ей требуемую сумму; но какъ же былъ онъ непріятно пораженъ, когда та объявила, что она не единственная обладательница сокровища, что прежде чѣмъ рѣшиться на продажу она должна еще посовѣтоваться съ прочими наслѣдниками, и назначила ему недѣльный срокъ для отвѣта. Неизвѣстность рѣшенія въ ожиданіи этого срока была настоящею пыткою для Ровинскаго. Онъ ждалъ этой минуты съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ „ждетъ любовникъ молодой минуты вѣрнаго свиданія“. Наконецъ, покупка совершена и подробно разобрана; въ ней не было ни одного изъ тѣхъ главныхъ листовъ, которые доставили Рембрандту славу величайшаго офортиста всѣхъ временъ; но было нѣсколько маленькихъ листовъ, которыхъ вся цѣнность состояла въ ихъ рѣдкости, и которыхъ у Ровинскаго еще не было. Показывая мнѣ эту покупку, онъ замѣтилъ, что денегъ за нее заплатилъ много (онъ никогда не говорилъ, за сколько что̀ покупалъ, и не любилъ, чтобъ его объ этомъ спрашивали), но не жалѣетъ ихъ. „Что деньги! Богъ съ ними! По крайней мѣрѣ я буду ночи спать спокойно!“ прибавилъ онъ, вспоминая, что̀ было послѣ неудачи съ колекціей Лобанова-Ростовскаго.

По мѣрѣ того, какъ росла у него колекція Рембрандта, возрасталъ все болѣе и жаръ его къ пополненію ея; онъ сталъ постоянно принимать участіе въ большихъ аукціонахъ, бывшихъ въ Парижѣ,

Лондонѣ, Берлинѣ, предпринималъ въ лѣтніе вакаціонные мѣсяцы заграничныя поѣздки для поисковъ этого рода; велъ дѣятельную переписку съ важнѣйшими иностранными торговцами эстамповъ. Рядомъ съ этимъ онъ систематически собиралъ полную литературу о Рембрандтѣ на всѣхъ ему доступныхъ языкахъ, изучая въ особенности все, что̀ касалось жизни любимаго мастера. Когда мы кого любимъ, то не легко переносимъ какія-либо замѣчанія о недостаткахъ любимаго человѣка, и Ровинскій всегда глубоко возмущался разными сплетнями, записанными о Рембрандтѣ старыми біографами его. Но нужно было видѣть его негодованіе—когда въ недавнее время одинъ нѣмецъ, по имени Лаутнеръ, имѣя, по выраженію Гейне, право быть глупымъ, употребилъ это право во зло и выпустилъ толстую книгу, съ цѣлымъ апаратомъ учености, съ рисунками и фототипіями, въ которой доказывалъ, что Рембрандтъ былъ не болѣе какъ дюжинный пачкунъ, а что всѣ великія созданія, носящія его имя, суть дѣло рукъ его ученика Фердинанда Боля. Это привело Ровинскаго въ крайнее негодованіе; не знаю, былъ ли бы онъ болѣе задѣтъ, если бы кто худо отозвался о его отцѣ или близкомъ родственникѣ. Первое время онъ не могъ равнодушно говорить о Лаутнерѣ, хотѣлъ разгромить его, собирался опровергнуть его in optima forma цѣлымъ строемъ аргументовъ, и не скоро сдался на мои увѣщанія, что глупая книга Лаутнера не стоитъ возраженія, и что авторъ ея скорѣе достоинъ состраданія, такъ какъ писаніе его носитъ на себѣ несомнѣнно печать мономаніи, психическаго разстройства; эта догадка въ послѣдствіи оправдалась, когда стало извѣстно, что авторъ дѣйствительно попалъ для излѣченія въ заведеніе для душевнобольныхъ.

Издавна замѣченъ тотъ общій законъ колекціонерства, что вещь, пока она въ чужихъ рукахъ, сильно разжигаетъ любостяжательную жилку собирателя, но едва переходитъ въ его владѣніе, тотчасъ же теряетъ для него большую часть прелести, прячется въ папку, которая затѣмъ рѣдко раскрывается. Извѣстны и такіе собиратели, у которыхъ всякая вещь, пріобрѣтенная для колекціи, тщательно завертывается въ бумагу и скрывается отъ глазъ въ сундукъ, который потомъ и не открывается. Не таковъ былъ Ровинскій; не таково было его отношеніе къ своимъ колекціямъ, между которыми гравюры Рембрандта были для него самою любимою, всего болѣе цѣнимою частью; онѣ всегда находились у него подъ рукою, и когда онъ хотѣлъ, послѣ

серьезныхъ занятій, отдохнуть и развлечься, то раскрывалъ папку съ Рембрандтами и проводилъ съ ними часы самыхъ живыхъ и чистыхъ наслажденій. Съ ними онъ разлучался только, когда уѣзжалъ изъ Петербурга, но тогда онъ постоянно, на время своего отсутствія, отвозилъ ихъ, какъ величайшую свою драгоцѣнность, на храненіе въ государственный банкъ.

Плодомъ многолѣтняго усерднаго, умѣлаго собиранія гравюръ Рембрандта явилось въ рукахъ Ровинскаго такое собраніе произведеній величайшаго офортиста всѣхъ временъ, которое по полнотѣ своей, по множеству содержащихся въ ней листовъ рѣдкихъ и рѣдчайшихъ, по красотѣ оттисковъ и ихъ сохранности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми извѣстными значительнѣйшими частными собраніями этого рода, а по богатому подбору въ ней оттисковъ одного и того же эстампа съ досокъ разнаго состоянія — рѣшительно превосходитъ всѣ ихъ. Оно можетъ даже выдерживать сравненіе съ богатѣйшими европейскими публичными и государственными колекціями геніальныхъ произведеній голландскаго мастера. И Ровинскій, такъ любовно лелѣявшій въ теченіе всей жизни свое собраніе, — въ часы, когда человѣкъ невольно останавливается на мысли о развязкѣ земного существованія, озаботился обезпеченіемъ того, чтобы трудъ его по собиранію этого сокровища не пропалъ даромъ, и чтобъ его колекція сохранилась на вѣчныя времена въ нашемъ отечествѣ во всей цѣлости своего состава. Считая ее достойною быть царскимъ достояніемъ, онъ завѣщаніемъ своимъ назначилъ ее Императорскому Эрмитажу, въ которомъ она не только будетъ драгоцѣннымъ украшеніемъ художественныхъ сокровищъ, въ немъ хранимыхъ, но и послужитъ къ давно желанному пополненію пробѣла, бывшаго въ немъ относительно твореній Рембрандта, такъ какъ Эрмитажъ, превосходящій всѣ музеи образованныхъ странъ числомъ масляныхъ картинъ этого художника, не имѣлъ доселѣ равнаго по значенію собранія произведеній его гравировальнаго искусства, въ которомъ Рембрандтъ былъ, можетъ быть, еще болѣе недосягаемъ, чѣмъ въ масляной живописи.

Гравюры Рембрандта издавна питали дѣятельную торговлю; онѣ были цѣнимы и собираемы еще при жизни художника, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ число выпущенныхъ первоначально экземпляровъ сокращалось отъ всесокрушающаго дѣйствія времени, а число собирателей ихъ увеличивалось вслѣдствіе возрастанія частнаго богатства и

развитія просвѣщенія, цѣна ихъ росла все болѣе и болѣе, и тутъ завладѣла ими промышленность, неистощимая на выдумки для удовлетворенія возраставшаго спроса. Явились поддѣльныя гравюры, воспроизводившія оригиналы черта въ черту, до обмана глаза; являлись позднѣйшіе оттиски съ подлинныхъ досокъ, переходившихъ черезъ руки разныхъ издателей и подвергавшихся при этомъ разнаго рода поправкамъ, подновленіямъ, а слѣдовательно — искаженіямъ. Это произвело то, что рядомъ съ экземплярами, вышедшими изъ-подъ печатнаго станка, можетъ быть, самого Рембрандта, стали обращаться въ торговлѣ такіе отпечатки съ истершихся и переправленныхъ досокъ, отъ которыхъ самъ Рембрандтъ, если бы ихъ увидѣлъ, долженъ былъ бы придти въ уныніе и отречься съ негодованіемъ. Эти разницы отразились и на цѣнѣ; за иной экземпляръ платятъ знатоки двѣ или три тысячи, тогда какъ есть экземпляры той же самой гравюры, которые не стоютъ и двухъ рублей. Хотя и такіе экземпляры составляютъ радость извѣстнаго рода собирателей, которые, будучи знакомы съ Рембрандтомъ только по наслышкѣ, довольствуются и ими, въ счастливой увѣренности, что за ничтожное число рублей имѣютъ произведенія великаго мастера, однако настоящіе знатоки всегда цѣнили и разыскивали только оттиски съ свѣжихъ, не испорченныхъ досокъ. Но какъ распознавать ихъ? Вотъ тутъ на помощь являлись въ разное время подробные каталоги гравюръ Рембрандта, съ обозначеніемъ различныхъ сортовъ существующихъ оттисковъ одной и той же гравюры, смотря по тому, съ какого состоянія доски они сдѣланы. Такихъ каталоговъ издано множество.

Но всѣ эти катологи, начиная съ составленныхъ еще въ прошломъ столѣтіи Жерсеномъ, Гелле и Гломи, Петромъ Иверомъ, Адамомъ Барчемъ и Долби, и кончая позднѣйшими — Клоссена, Шарля Блана и Мидльтона, даютъ въ руководство для распознаванія разнаго рода оттисковъ только описаніе признаковъ, по которымъ они различаются; но никакія описанія, какъ бы они ни были подробны, не въ состояніи достигнуть той опредѣленности, какая можетъ быть плодомъ только непосредственнаго сравненія разныхъ оттисковъ между собою. Всякій, кто прибѣгалъ къ этимъ каталогамъ для опредѣленія оттиска Рембрандтовской гравюры, знаетъ по опыту, до какой степени это опредѣленіе шатко, ненадежно. Столь же мало помощи въ этомъ дѣлѣ могутъ оказать и нѣсколько изданныхъ въ новѣйшее время илю-

стрированныхъ каталоговъ гравюръ Рембрандта, какъ-то Шарля Блана и Дютюи, такъ какъ они не даютъ воспроизведенія всѣхъ различныхъ оттисковъ одной и той же гравюры славнаго голландца.

Въ такомъ положеніи дѣла Ровинскій первый возымѣлъ счастливую мысль воспользоваться доведенными нынѣ до такого совершенства автоматическими способами воспроизведенія эстамповъ, для изданія въ фототипіяхъ безъ всякой ретуши полнаго собранія гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ. Легко было задумать такое предпріятіе, но не легко было его исполнить. Гдѣ взять всѣ нужные оригиналы для фотографированія? Колекцій самого Ровинскаго, хотя онъ издавна собиралъ всѣ, какія могъ достать, разновидности отпечатковъ каждой гравюры, было бы для того еще недостаточно; а изъ всѣхъ богатѣйшихъ европейскихъ собраній ни одно не содержало въ себѣ полнаго подбора всѣхъ этихъ разновидностей. То, что̀ нужно было при этомъ изучить и сфотографировать, было разбросано, какъ membra disjecta, по библіотекамъ и музеямъ всей Европы. Ни какая память не въ состояніи была бы удержать въ себѣ всѣ разницы въ штриховкѣ между экземпляромъ, видѣннымъ, напримѣръ, въ Британскомъ музеѣ, и другимъ, осматриваемымъ много времени спустя въ Вѣнской Albertina или въ Парижской Національной Библіотекѣ. Конечно, всего лучше было бы имѣть, для взаимныхъ сравненій, полныя фотографіи со всѣхъ гравюръ Рембрандта, находящихся въ публичныхъ музеяхъ и библіотекахъ Европы; но о собраніи такихъ фотографій нечего былои думать—по громадности средствъ, какія для этого потребовались бы. Нужно было придумать средство болѣе удобоисполнимое. Ровинскій началъ съ того, что, при помощи извѣстнаго московскаго дома Шерера и Набгольца, изготовилъ фототипіи со всѣхъ разновидностей Рембрандтовыхъ гравюръ, какія заключались въ его собственной колекціи, болѣе 600 штукъ, и съ этимъ пособіемъ осмотрѣлъ, въ лѣтнія свои заграничныя поѣздки, всѣ богатѣйшія собранія Рембрандтовъ въ Европѣ; со всѣхъ найденныхъ имъ при этомъ разновидностей, которыхъ у него не было, заказывались имъ фотографическія копіи, по которымъ потомъ изготовлялись въ Москвѣ фототипіи. Такъ составилось изданіе, выпущенное имъ въ свѣтъ въ 1890 году, состоящее изъ текста и трехъ томовъ атласа, въ которомъ представлено полное собраніе твореній Рембрандта, какъ гравера, 395 эстамповъ, въ точности воспроизведенныхъ во всѣхъ

разновидностяхъ оттисковъ автоматическими способами на 1000 листахъ. Этотъ громадный трудъ былъ затѣмъ, три года спустя, дополненъ подобнымъ же изданіемъ „Полнаго собранія гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ“, съ двумя томами атласа, состоящаго изъ 478 фототипій безъ ретуши.

Эти два изданія составляютъ собою несомнѣнно эпоху въ изученіи великаго голландскаго мастера. Для колекціонеровъ ими вполнѣ упраздняются всѣ различные, доселѣ изданные каталоги гравюръ Рембрандта, потерявшіе теперь всякое значеніе; художественной критикѣ они доставляютъ прочные опорные пункты для изслѣдованій по вопросу о принадлежности самому ли Рембрандту или же только тому или другому изъ учениковъ его цѣлаго ряда листовъ, приписанныхъ Рембрандту въ каталогѣ Барча,—вопросу капитальному для оцѣнки творчества геніальнаго офортиста, и однако еще и доселѣ не рѣшенному.

Лучше знакомя съ Рембрандтомъ, эти монументальныя изданія составляютъ собою памятникъ самый достойный голландскаго мастера, и этотъ памятникъ возведенъ не рукою одного изъ соотечественниковъ его, столь гордящихся своимъ искуствомъ, а рукою русскаго человѣка.